

ЭЛИТЫ
ЭДЕМА

ДЖОУИ
ГРАСЕФФА

Автор бестселлера № 1
The New York Times
«Дети Эдема»

Джоуи Грасеффа
Элиты Эдема
Серия «Блогер. Fiction»
Серия «Дети Эдема», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36065513
Элиты Эдема: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107603-0

Аннотация

Семнадцатилетняя Ярроу – девушка из богатой семьи, дочь одной из самых могущественных женщин Эдема, ученица привилегированной школы, чья беззаботная жизнь проходит в вечеринках и развлечениях. У её ровесницы Рауэн иная участь. Законы Эдема запрещают семьям иметь больше одного ребенка, и родившаяся чуть позже своего брата-близнеца Рауэн не имеет права на существование. . . . Две совершенно разные жизни, но одна судьба: после того, как она сведет их вместе, Эдем уже не будет прежним.

Содержание

1	5
2	25
3	43
4	59
5	68
6	80
7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Джоуи Грасеффа

Элиты Эдема

JOEY GRACEFFA
ELITES OF EDEN

Copyright © 2017 by Joseph Graceffa

Cover design © Krzysztof Iwanski 2017

Author's photo © Hope Kauffman

© А. Проходский, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Эта книга посвящается всем тем, кто хочет изменить этот мир к лучшему. Тем, кто осознает, что каждое наше действие оставляет заметный след на планете и отражается на окружающей среде.

Надеюсь, что рассказанная мною история никогда не станет реальностью.

1

Мир расступается, когда появляемся мы, шагая длинными ногами, ясноглазые и ненасытные, словно стая волков. Мы неотразимы, и кому-то со стороны может показаться, что мы белые и пушистые, раз такие красивые. Но зубы у нас еще те.

Мы как солдаты до-катастрофной эпохи, когда люди еще воевали. Всякая мелочь покорно уступает нам дорогу. Большинство не может оторвать от нас глаз. И только самые дерзкие смеют не смотреть в нашу сторону. Непростительная ошибка не боготворит нас. Им это припомнят. И накажут.

Наши школьные юбки шелестят при каждом шаге. Дочери политиков и адвокатов, мы знаем, как склонить закон в свою сторону. В положении об одежде школы «Дубы» сказано лишь, что ученики должны носить изображения зеленых листьев и стебельков – символов нашей школы. Крепкий дуб, который поддерживает нежный стебель. Большинство учеников подчиняются безоговорочно: похожие друг на друга, как глупые клоны, они сливаются с окружающими. Но не мы.

У меня длинная юбка из ткани, которая не просто окрашена в цвет листвы, а состоит из отдельных элементов в форме дубовых листьев красных, желтых и оранжевых оттенков осени. Листья перекрывают друг друга, каскадом спадают к

моим икрам; впрочем, есть несколько особых разрезов, которые приоткрывают ногу до бедра при малейшем движении. Я видела осенний дубовый лес в записи: деревья словно стихийный пожар, в котором краски цвета увядающего костра колышутся на ветру. При каждом шаге юбка шелестит, словно лес, которого мы никогда не видели и не увидим. Я ношу блузку цвета только что распутившегося весеннего листочка: бледно-желто-зеленые стебельки украшают ее на груди.

Перл¹ выглядит как бабочка, порхающая в лесу. Легкий намек на традиционный узор из листьев и стебельков, но ее платье сшито из переливающихся наночастиц, и стоит лучу света попасть на них, как они начинают играть разными оттенками синего, зеленого и серебристого. Ее колготки отливают серебром. Она была бы королевой танцпола в клубе «Тропический лес».

(Я прикусываю язык. Хорошо, что я только подумала об этом, а не сказала вслух. В последние несколько месяцев туда стали ходить ученики из «Калахари», и клуб «Тропический лес» утратил свою популярность.

Неудачники. Вот если бы Перл услышала такое сравнение...)

Наш внешний вид часто вызывает недовольство админи-

¹ Pearl – в переводе с английского «жемчужина». В книге все имена имеют «природную» основу, указывая на какое-либо явление, существо, растение и т. д. (здесь и далее прим. пер.).

страции школы, но они ничего не могут поделать с нами, потому что родители платят непомерно высокие ежегодные взносы за обучение. Иногда они взывают к нашим лучшим чувствам. Ха-ха! Удачи им. Черт возьми, как мы можем все-ррез слушаться тех, кто называет себя «сестра» или «брат»? Ни у кого на всей планете нет ни братьев, ни сестер. Не понимаю, почему служители Храма употребляют эти слова. Они хотят, чтобы мы заскучали по старым добрым до-катастрофным временам? Временам, когда люди заводили по несколько детей – братьев и сестер, как полчища вирусов, захвативших и уничтоживших Землю? Представляете, каково тогда жилось? Мир старательно изживал людей. Тьфу.

Сегодня людей осталось не больше миллиона. По-моему, это в самый раз. Количество вполне достаточное, чтобы обеспечить рождаемость без кровосмешения. Достаточное, чтобы для меня всегда нашелся новый красавчик для свиданий. (Хотя, пожалуй, в «Дубах» среди двух сотен учеников есть только шесть действительно привлекательных и хотя бы чуточку заслуживающих внимания парней, а значит, в мире порядка 30 000 возможных красавчиков. Это по 7500 на каждую из нас, даже если не делиться. А мы обычно делимся.)

Но важнее другое: парой миллионов людей проще управлять. До Гибели Природы королевы и президенты справлялись с гораздо большим их количеством. Перл уверена, что она-то уж знает, как взять власть над каким-то миллионом

людей. Она с легкостью правит в нашем пансионе «Дубы».

Она – школьный канцлер. Это официальная должность, избираемая большинством голосов. Но даже если бы ее не выбрали, она все равно заправляла бы всем.

Я – ее вице-канцлер. Это не избираемая должность. Я служу по ее прихоти. А в последнее время Перл очень прихотлива.

– Ярроу²! – шипит она, делая вид, будто шепчет, но ее голос без труда доносится до Коппер³ и Линкс⁴, идущих неподалеку. – Что за хрень у тебя в волосах?

Я смущенно касаюсь своей многослойной прически и чувствую, как сжались мои зубы, хотя уже через секунду заставляю себя улыбнуться:

– Тебе нравится?

Сегодня утром я дурачилась с кистью для волос, и по одной из прядей пустила ручеек воды. Забыла, что так было модно в прошлом году. Я хотела стереть его, но, видимо, была не в себе и совсем забыла об этом. В последнее время мне никак не удастся выспаться. Загадочные сны.

– Нет, – ответила Перл, и я понадеялась, что на этом и закончим. Я потом верну своим волосам естественный цвет. Но Перл улыбается, и ямочки на ее щеках дают понять, что это скорее оскал.

² Yarrow – тысячелистник.

³ Copper – медь.

⁴ Linc – рысь.

И пытка начинается.

– Если брат Бёрч⁵ и медуза Страшила заведут ребенка и ни разу его не приласкают, то он будет выглядеть так же, как сейчас твои волосы.

Перл самодовольно ухмыляется – должна признать, она сегодня в ударе. Но все же брат Бёрч всегда просит нас относиться к Страшилам с уважением. Да, они не похожи на нас, но они чувствуют свое призвание и следуют за ним, подобно служителям Храма. Стоит ли так издеваться над ними?

Коппер и Линкс умом не отличаются, а туда же.

– Ты выглядишь как бродяжка из внешнего мира, которая под синтмескалином свалилась в упаковку супа из сине-зеленых водорослей, – со смешком говорит Коппер.

– И ты такой нищеврод, что слопала все водоросли, оставив последнюю прядь своему дружку, – радостно подхватывает Линкс.

– А дружок-то у тебя рябой.

– Он даже не сможет прочесть расписание автолугов.

Я улыбаюсь. Сейчас они просто дурачатся, и моя воинственность исчезает. Мы все время так дразним друг друга. И да, иногда это задевает. Но это не всерьез. Я смеюсь вместе с ними.

Пока Перл не говорит:

– Твой дружок – это второй ребенок.

Я замираю как вкопанная. Перебор. Это означает како-

⁵ Birch – береза.

го-то изгоя, отверженного. Кого-то, кто не должен существовать. Но это одно из тех словечек, которыми мы обзываем друг друга. Например, «бомжиха». На самом деле мы ничего плохого не имеем в виду – так, еще одно дурашливое оскорбление. Я тоже однажды назвала так Перл. Это было на второй неделе моей учебы в «Дубах». Тогда она так изумилась моей смелости, что я стала ее правой рукой, к недовольству Коппер и Линкс. Они пробовали потом тоже называть ее вторым ребенком, но не преуспели. Я была первой – то ли достаточно смелой, то ли безрассудной, – кто так ее назвал, а Перл любит все новое.

Так что это пустяк, совершеннейший пустяк. Но почему тогда мне кажется, что внутри у меня словно узлом все связали? Почему кажется, что поперек горла встал ком?

– Что с тобой сегодня? – спрашивает Перл. Она уходит, прежде чем я успеваю ответить, и приходится взять себя в руки, чтобы пойти за ней. Другие девочки уже пытаются в прямом и переносном смысле занять мое место. Мне нужно во что бы то ни стало снова оказаться рядом с Перл.

Хотя я в «Дубах» совсем недавно, моя жизнь в прошлой школе уже представляется как в тумане. Я училась в «Пещерах», одной из трех или четырех престижных школ, которые посещают отпрыски элиты Эдема. В тот момент когда я сменила черную форму «Пещер» на наряд с рисунком листьев и стебельков, я поняла, что именно сейчас начинается настоящая жизнь. Словно прошлое было чем-то бессмысленным.

В ту первую ночь, когда Перл просунула голову в дверь моей личной комнаты (ее серебристые волосы доходили почти до талии), она спросила:

– Кто ты такая, черт возьми? Хотя забудь. Кто твои родители, черт возьми?

Затем она подмигнула мне, потому что всех учеников, конечно же, предупредили, чтобы они не спрашивали меня об этом. Моя мама занимается какими-то шпионскими штучками в правительстве, о чем никому не позволено говорить. Это секрет секретов. Я не хожу домой, чтобы с ней повидаться, мне приходится ездить в Центр. Она и есть *тот самый* секрет секретов. Я отправляюсь туда раз в неделю, по пятницам, сразу после уроков, и остаюсь там до субботнего утра. А ведь это самое подходящее время, чтобы по полной отрываться с друзьями, но – семья есть семья, верно?

Той ночью, когда я приехала в «Дубы», Перл позвала меня к себе, и мы вместе с Коппер и Линкс набрались пряным *аквавитовым* коктейлем. Мне хочется думать, что ее впечатлила моя незаурядная личность, но уверена, что в первую ночь она позвала меня, потому что знала про мою маму. Не страшно. Ведь окажись я занудой, она бы, конечно, изредка обращала на меня внимание, но подругами бы мы не стали. А быть подругой Перл – это самое невероятное, что когда-либо случилось со мной. С ней я оживаю, чувствую себя свободной, неистойвой.

Почти всегда.

Через пару лет мы вполне сможем возглавить Эдем, ну а пока мы подневольные ученики. Наш волчий гонор отступает, сногшибательная спесь сходит на нет, когда появляется высокий худощавый директор – брат Бёрч в рясе цвета зеленой листвы. И тогда нам хочется слиться с остальными учениками: мы же знаем правила игры.

– Доброе утро, брат Бёрч, – говорит Перл, улыбаясь ему ясной, как солнечный луч, улыбкой.

Мы мямлим то же самое.

– Доброе утро, девочки, и пусть благодать Земли снизойдет на вас.

Он доброжелательно кивает. Несмотря на то, что он возглавляет Храм Эдема – самую могущественную религию мира, – а кроме этого еще и директорствует в нашей школе, он носит непритязательную рясу, приличествующую людям низшего сана, и называет себя братом. Как будто он был рукоположен неделю назад. Он не очень старый, учитывая его сан, ему около сорока. Но, тем не менее, он сирота, выросший в храме. Черные волосы чуть длиннее, чем нужно, неряшливы, словно он причесывается руками, зато бородка ухожена и слегка умащена. Она пахнет, как... Я задумываюсь. Резкий и освежающий аромат, почти медицинский. До боли знакомый, но откуда бы. Мне хочется прижаться к брату Бёрчу каждый раз, когда мы встречаемся с ним. Конечно, я сдерживаюсь.

Он кажется таким простым, добрым человеком. Но мне

известно, что он посвящен в глубочайшую Тайну. При нем мне становится не по себе, хотя я не могу сказать почему.

– Как дела на новом месте, Ярроу? Освоилась? – спрашивает он.

Напряжение спадает, потому что мой ответ искренен и очевиден.

– Мне здесь нравится, – говорю я. – Ученики просто потрясающие, и у меня появилось столько новых друзей.

Точнее, трое друзей, двое из которых хотят занять мое место. Впрочем, многие ученики относятся ко мне хорошо. Это ведь то же самое, что быть друзьями, правда? У кого хватит времени больше чем на пару друзей?

– А как учеба? – Брат Бёрч слегка изгибает бровь.

– Ну, вполне, – мои щеки краснеют.

– Сестра Маргарита говорит, что ты рисуешь в конспектах по экоистории. Жуткие каракули, как она выразилась. – Он улыбается и соединяет кончики пальцев. – Нам стоит быть усерднее, не так ли?

Я безмолвно киваю, и он изображает знак семени между своей и моей грудью – сжатый кулак, который разжимается, словно его пальцы – это прорастающее семя. Как и полагается, я склоняю голову, и он касается моей макушки двумя пальцами благословения.

– Я слежу за тобой с особым интересом, Ярроу, – говорит он.

Девочкам удалось не захихикать, пока мы не вошли в

класс, где он не сможет нас услышать.

– Что за хрень, Ярроу? – спрашивает Коппер. – *Особым интересом?*

– Ууу, – выпаливает Линкс, – Ярроу втюрилась в брата Бёрча?

Втюрилась? Фу. Как можно втюриться в парня старше меня в три раза, к тому же священника? Ну, он вполне себе ничего, и есть что-то такое в его глазах, особенная ясность, пробивающаяся даже сквозь ровные линзы-импланты, которые носят все жители Эдема. Но он определенно не мой типаж. Мой типаж более...

Если задуматься, что я вообще знаю про свой типаж? Я пытаюсь нарисовать моего идеального парня, но представляются лишь неясные очертания. Сначала вдалеке появляется высокая стройная фигура, а затем призрачная фигура увеличивается, широкая грудь, потом еще ближе...

Я встряхиваю головой и заставляю себя рассмеяться вместе с ними. Опять. Похоже, сегодня я постоянный объект для насмешек. У меня лицо сводит от необходимости так часто улыбаться в ответ на шутки на мой счет.

Чтобы мне стало лучше, нужно, чтобы кому-то стало хуже.

А вот и отличная цель – Хоук⁶. Он один из самых популярных парней в «Дубах»... и самый богатый. Он – реальная власть, мужской вариант Перл. Его не так-то просто вывести

⁶ Hawk – ястреб.

из себя... если бы не один маленький нюанс.

Несчастный придурок решил, что он влюблен в меня.

Для начала я буду нежной. Если ты все время жесток, то жестокость слабеет. Нужно сдобрить ее лаской, преданностью, отзывчивостью. Самое главное, отзывчивостью. Как ты можешь уязвить кого-то, если до конца не прочувствуешь его? У меня неплохо получается читать других людей. Перл говорит, что я изучаю их, пристально слежу за ними, словно каждый новый человек – это новый вид, который я открываю при встрече.

Иногда мне кажется, что я понимаю других лучше, чем саму себя.

Хоук уже в своей скорлупе, ждет начала урока. Скорлупа – это оболочка виртуальной реальности, обволакивающая каждого ученика и позволяющая нам полностью погрузиться в образовательный процесс. Его рука нежно поглаживает пульт управления интерфейсом инфоблока, забавляясь с сенсорными функциями, которые есть в его распоряжении. Движения настолько чувственные, что я невольно представляю, как эта темнокожая рука ласкает что-то живое. Мою кожу. *Нет, Ярроу, не вздумай привязываться и нежничать.* Это слова Перл, которые я слышу в голове. *Любовь делает людей слабыми. Любовь – это то, что другие испытывают к тебе. Сдашься ей – и потеряешь свою власть. Ты станешь рабыней, вроде тех сельских работяг из внешнего мира, которые обречены вкалывать на заводе до конца своих дней.*

Поэтому я не буду представлять, как Хоук касается моей обнаженной плоти. Наоборот, я представлю, что он гладит что-то более экзотическое и непривычное: кошку. Более двухсот лет никто не видел кошек. Никто не видел никаких других животных, кроме человека. Но у нас сохранились видеозаписи. Я видела, как тысячи антилоп неслись по равнине, кидались в реку, где их хватали крокодилы. Я видела, как изящные колибри заигрывали с цветами и как гибкие змеи обвивались вокруг деревьев. Холодные и мертвые байты хранят тот мир внутри инфоблоков.

Мир, которого нет. Пройдут столетия, прежде чем Земля восстановится в полной мере, чтобы человек смог выжить вне пределов Эдема. В нынешнее время есть только люди и технологии и еще несколько выносливых видов водорослей, грибков и бактерий, которые обеспечивают нас едой.

– Мяу, – говорю я и, прищуриваясь, проскальзываю в скорлупу, устраиваясь рядом с Хоуком. Она рассчитана на одного, и нам внутри довольно тесно. Похоже, он не возражает. Осенние листья, которые украшают верхнюю часть моей юбки, достаточно откровенно демонстрируют мою ногу. Он смотрит... а потом переводит взгляд на мое лицо. Мамочка хорошо его воспитала.

– Привет, Ярроу, – говорит он, пододвигаясь, чтобы освободить мне больше места. – Понравились цветы, которые я прислал тебе в комнату?

Конечно же, это были не настоящие цветы, а милая охапка

лилий из синтетического шелка.

– Цветы? – я распахиваю глаза, слегка запрокинув голову. Насколько плохой мне быть? Сказать ему, что я не получила или...

– Ах, эти, – говорю я, притворяясь, что долго припоминала. – Я нашла какую-то солому возле комнаты. Я решила, что уборщица забыла выбросить мусор. – Я хихикаю, очаровательно склоняя голову набок. – Боюсь, я сказала брату Бёрчу, что Жасмин стоит немедленно уволить.

Черт! Я снова прокололась. Откуда мне знать, как зовут уборщицу? Она настолько ниже нас. Перл никогда бы не простила мне, если бы узнала. Я часто совершаю позорные проступки вроде этого. Я бы ей сказала, что во всем виновата мама: она приучила меня обращать внимание на мелкие детали. После такого Перл наверняка взглянула бы на меня почти презрительно. Как будто знать имя уборщицы – это как знать имя кучки отбросов. Смехотворно и немыслимо.

Но Хоук даже не обратил на это внимания. Было видно, как он нахмурился, когда я плохо отозвалась о его подарке, однако он слишком хорошо воспитан, чтобы ответить. *Ярость не свойственна высшим классам*, говорит Перл. *Мы мстим.*

Первый удар нанесен, теперь чуток нежности. Ударь... замри... поцелуй... а потом жми до конца. Так ты действительно сделаешь больно. Не давая ему опомниться, я тянусь к нему и целую в щеку. Вернее, пытаюсь поцеловать в щеку.

У него хорошая реакция, он быстро поворачивает голову, и мои губы соприкасаются с кончиками его губ. Я борюсь с желанием отпрянуть в смущении. Не хочу целоваться с ним всерьез. Я хочу, чтобы он любил меня. Я хочу, чтобы все любили меня. Я хочу владеть ими. Я хочу, чтобы меня окружали преданные люди, которые никогда меня не бросят.

Впрочем, легким поцелуем я добиваюсь нужного эффекта. Его лицо расслабилось, и он улыбается. Я прощена.

– Ничего страшного, – говорит он. – Я отправлю тебе другие. Куда лучше.

Я сказала ему почти правду. Цветы я получила, но, как только я их увидела, я отдала их Жасмин, чтобы та выбросила их, забрала в свое, без сомнения, убогое маленькое жилище, да что угодно. Один их вид был мне противен.

Он вытягивается напротив меня в тесном помещении скорлупы.

– Ждешь сегодняшнего Праздника снега?

Я пожала плечами:

– Только для того, чтобы надеть новое платье.

В моей жизни было шестнадцать снежных дней, и, должно быть, они были совершенно унылыми, потому что я с трудом могу что-нибудь о них вспомнить. Только смутные отрывочные воспоминания о танцах, банкетах, веселье. Единственное, что хорошо запомнилось, – это лоскут неба, где звезды, казалось, приумножились от того, что появились снежинки, которые ровно на одну ночь запылили небеса. Где же была

я на этом Празднике снега?

– Мне он тоже кажется глупым, – говорит Хоук, уловив безразличие в моем голосе и понимая его по-своему. Стоит кому-то втрескаться в тебя, как они начинают соглашаться с каждым твоим словом. – В смысле, здесь нет естественных осадков, и мы должны беречь воду, и зачем тогда Экопан планирует одну снежную ночь каждый год?

– И один день дождя спустя полгода, – напоминаю я.

Снег всегда идет ночью. А дождь днем. Помню, как на один Праздник дождя я оказалась где-то высоко, совершенно беззащитная. Когда дневное небо затянуло искусственными облаками, я, в лихорадочном упоении запрокинув голову, старалась поймать языком тугие капли.

– По-моему, Экопан делает это для того, чтобы мы почувствовали себя ближе к природе, – продолжает Хоук. – Я серьезно, вот, смотри. – Он нажимает кнопки на панели управления своей скорлупы, и внезапно нас окружает панорама одного из Праздников снега прошлых лет. Должно быть, это было еще до моего рождения. Все наряды выглядят старомодно, блеклой расцветки, без изысков, грубо спадают свободными складками. Такую одежду наверняка носили наши бабушки и дедушки.

Скорлупа спроектирована так, чтобы дать ученикам ощущение полного погружения. На самом деле непонятно, зачем нам вообще нужны учителя. Они могли бы просто загружать уроки в наши скорлупы и отдыхать до конца дня.

Температура внутри скорлупы падает, и, несмотря на пение и ликование толпы, которая выглядит такой живой, все воспринимается как-то приглушенно. Я там, среди людей, но в то же время как будто на расстоянии от них. На самом деле я все чувствую, хотя умом понимаю, что это лишь иллюзия. Вот престарелая женщина поднимает на руках ребенка вверх так, чтобы он смог своей пухлой ручкой поймать снежинку. От такого зрелища я не могу сдержать улыбку. Хоук жмет другую кнопку, и мы переносимся к замерзшему только на одну ночь искусственному пруду. Парочки скользят по его поверхности. Скорлупа набрасывает капюшон виртуальной реальности мне на голову, и кажется, что я скольжу вместе с ними.

Я почти не дышу, когда Хоук выключает прибор. Скорлупа восстановила нормальную температуру и снова стала просто машиной: наваждение исчезло. Но мои щеки еще пылают румянцем от недавнего холода.

Я пытаюсь стряхнуть неожиданное ощущение приятного возбуждения. Я хотела, чтобы мне стало лучше, сделав кому-то хуже. А вместо этого человек, которого я хотела обидеть ради забавы, ради власти, ради тренировки, заставил меня почувствовать себя живой. Я бы даже сказала – счастливой.

Почему это чувство кажется мне новым? Разве я не всегда счастлива? Какие у меня причины, чтобы не быть счастливой? У меня есть все.

Я чувствую странную неуверенность, и от этого раздражаюсь. Поэтому, когда Хоук склоняется ко мне и приглашает на первый танец на школьном Празднике снега, я надменно поднимаю подбородок и говорю:

– Я не собираюсь присоединяться к этим глупым детишкам. У меня и моих друзей другие планы.

На самом деле у нас не было никаких других планов, и я знала, что мы пойдем, ведь мы задолго до Праздника придумали себе наряды. Но в конце занятий Перл проскользнула ко мне.

– Ты слышала, что во внешнем круге проведут конкурс на звание короля и королевы Праздника снега? Победитель получит деньги и возможность провести праздничную ночь в самом престижном внутреннем круге.

Я что-то слышала об этом.

– Попытка поднять моральный дух низших классов, так? – спрашиваю без особого интереса.

– Вот именно, – отвечает она. – И как ты думаешь, что они будут делать с этим моральным духом? Начнут конструктивно мыслить? Захотят чего-то выше своего понимания? – она едко смеется. – Ничего хорошего не стоит ждать, если работягам из внешнего круга будет позволено надеяться на что-то вроде... да на что угодно сверх того, что им положено. Зачем пускать их в наши круги, даже на ночь? Потом они захотят, чтобы их дети ходили в «Дубы»!

– Ты абсолютно права, Перл, – говорю я неуверенно. Перл

такие вещи волнуют больше, чем меня. Впрочем, возможно, у нее есть на то основания. – Но что мы можем с этим поделать. Если власти решили допустить это, то...

Она останавливает меня взглядом.

– Ну что ты, моя милая. Я *сама* стану властью.

Последним уроком в тот день был утомительный час управления Землей. Один из братьев дремлет, пока наши скорлупы рассказывают нам о тонкостях геологии. Рассказ начинается с чего-то, что называется бурением. Это когда люди, которым мало было ущерба, нанесенного земной коре, начали копошиться еще и внутри планеты. Впрочем, далеко с этим вопросом мы не продвинулись: с колокольной башни раздался сигнал окончания школьного дня. Мы выбрались из наших скорлуп быстрее, чем брат успел проснуться и закричать:

– Завтра мы продолжим!

Я люблю нашу колокольную башню, возвышающуюся над кампусом, величие и перезвон ее огромных колоколов. Они сопровождают весь наш распорядок дня, как бы напоминая населению внутренних кругов, что именно мы здесь самые главные. Наши побудка и учеба, игра и сон – вот *что* имеет значение, а не вы. Что с того, что вам хочется поспать подольше? Если колокол звонит в 6 часов утра, чтобы разбудить учеников «Дубов», то пора просыпаться всем.

Отзвуки колоколов все еще дрожат в воздухе над элитной

территорией Эдема, самым его сердцем, пока мы бежим к нашим общежитиям. Они состоят из двух-трех спален с общей комнатой для отдыха посередине. До моего появления в «Дубах» Перл была единственной ученицей, проживавшей в отдельной квартире, которую она добыла, безусловно, благодаря своим махинациям и деньгам ее родителей. Когда я прибыла в «Дубы» в середине семестра, то свободных комнат уже не было, поэтому для меня переоборудовали одну из запасных учительских квартир, которая находилась с противоположной стороны кампуса. Она располагалась ближе к надзирателям, зато там у меня огромная спальня, личная ванная и даже небольшая гостиная – предмет зависти других учеников. Особенно Перл. Она не упускает случая напомнить руководству, как одиноко я себя чувствую вдали от сверстников, поэтому я уверена, что как только освободится комната, меня выселят. Ну а пока я имею над Перл пусть небольшое, но все-таки превосходство.

Перл хватает меня за руку и тащит за собой с несвойственным ей волнением. Предполагается, что мы должны быть выше любого проявления чувств.

Обычно мы встречаемся в ее комнате. Но сегодня она ведет нас в мою. Не нравится мне это. Перл любит вмешиваться во все, быть в центре внимания, выделяться на фоне других. И если сейчас она обращает на меня такое внимание, то у нее явно есть на то причина.

– Сегодня вечером отправляемся на прогулку! – сообщает

она всем и объясняет, что хочет украсть у какой-то девчонки из внешнего круга титул Снежной королевы, который – по ее мнению – та не заслуживает.

2

Казалось бы, ничего особенного, но тем не менее. В «Дубах» очень строго регулируют отлучки с территории кампуса. Это пансион, что по-своему абсолютно глупо, потому что все ученики принадлежат к внутренним кругам, большинство к самым элитным, прилегающим к изумрудному глазу Центра. До дома все мы можем добраться пешком минут за 15 или на автолупе, тогда вообще за считанные секунды. Но принципы «Дубов» основываются на том, что благодаря совместному проживанию ученики становятся единым целым – настоящими лидерами, которые в будущем смогут совместно управлять Эдемом. Наши друзья по школе в большей степени являются для нас семьей, чем биологические родители. Мы живем, учимся, обедаем и спим вместе. Согласно строгому запрету иметь более одного ребенка в семье запрещено, поэтому в Эдеме ни у кого нет ни братьев, ни сестер, но сверстники в «Дубах» ничуть не хуже.

Покидать кампус мы можем только по пропуску. Он должен быть заверен как родителями, так и школой. Большинство студентов остаются дома раз в две недели на одну или две ночи. Каждую пятницу вечером я встречаюсь с мамой в Центре, где она работает и практически живет. Родители могут дать нам разрешение на посещение клубов и вечеринок Эдема в вечернее время. Администрация школы не в

восторге от этого – лучше бы нам оставаться в кампусе, готовить уроки и тому подобную занудную фигню. Тем не менее, обычно нас отпускают, и не менее пары вечеров в неделю мы проводим в каком-нибудь модном клубе.

Но все же сбегать из кампуса без разрешения – непозволительный проступок, который может стать поводом для исключения.

Обычно нам ничего не стоит уговорить родителей дать разрешение задним числом, а потом провести его через канцелярию пансиона. Но сегодня вечером все обязаны быть на Празднике снега. Принудительное мероприятие, момент непереносимого единения, который никак нельзя пропускать.

Поэтому, когда Перл говорит, что мы собираемся улизнуть, у меня даже слегка отвисает челюсть.

– Что такое, Ярроу? – спрашивает она, с невинностью котенка склонив голову набок, готовая вот-вот выпустить коготки. – Не нравится мой план?

В воздухе повисает напряжение. Похоже, Линкс до смерти хочется сказать что-то, что направит меня по ложному пути, прочь от Перл. Ей хочется, чтобы я высмеяла эту затею, чтобы появилась трещинка, в которую ей удастся прошмыгнуть. Однако она сдерживается, опасаясь добиться обратного эффекта. Коппер явно сгорает от нетерпения, ожидая, что же будет дальше. Спустя вечность я задумчиво протягиваю так, будто эта затея пришла в голову именно мне:

– Школьный Праздник снега – такая нудятина. По-моему,

нам стоит поискать занятие поинтереснее.

На устах Перл вспыхивает кошачья улыбка: кажется, я прошла смертельное испытание. Ее одобрение не так-то легко заслужить, но когда это происходит, то похоже на благоговение.

– Так и думала, что тебе понравится, – говорит она. – Рада, потому что без тебя у нас ничего не получится.

Я нужна ей! Меня распирает гордость, хотя по спине поползли мурашки страха. Нам не впервой впутываться в безрассудные проделки, но эта обещает быть куда более рискованной, чем все прежние.

– Ярроу, да не волнуйся ты так! – успокаивает она меня. – Школа поднимает большой шум из-за отлучек, но это только для вида. Ты что, всерьез веришь, что нас исключат? Весь престиж школы держится на том, что в ней учатся такие люди, как мы. Мы создаем ей имя. Если нас поймают, тогда родители задним числом напишут пропуск... в который завернут кругленькую сумму. Ничего страшного не случится.

Наверное, она права. В смысле, что именно для этого и нужны деньги и власть – прикрывать нас, если возникнут затруднения. *До сих пор* никаких затруднений у меня не было. И не будет. Я улыбаюсь Перл, ощутив себя в безопасности, отчасти из-за особых сестринских чувств, которые, уверена, сохранятся до конца жизни.

– С тобой – куда угодно, – заверяю я ее.

Линкс, слегка разочарованная тем, что все прошло слиш-

ком гладко, уже готова присоединиться к нам.

– Отличная мысль, Перл! Но как мы выберемся?

– Предоставь это мне. Вернее, предоставь это Ярроу.

Внутри меня все сжимается, когда Перл выкладывает свой план. Мне не трудно это сделать. Совсем не трудно. Но вот...

Я перевожу дыхание и через силу заставляю себя улыбнуться.

– Без проблем.

Пока они обсуждают детали плана, я отстраняюсь и обвожу глазами убранство своей комнаты. Каждые пару недель я меняю дизайн: никак не могу подобрать тот, что подойдет мне. Прямо сейчас кажется, что мы внутри психоделической пещеры или в центре вращения звездной галактики: стены украшены мерцающими огоньками, похожими на пурпурные и розовые топазы. Сейчас они выключены, но по ночам я могу лежать в кровати и представлять, что я плыву в самом сердце туманности. Даже с закрытыми глазами я вижу силуэты окружающего меня звездного сияния, как будто они выгравированы на внутренней стороне век. Разноцветные хрусталики света, окружающие меня, кажутся такими знакомыми, надежными.

Наконец Перл раскрывает основной замысел и вырывает меня из пелены грез.

– Мы выскользнем через Храм.

Школьный кампус примыкает к Храму. Это должно напоминать нам, элите, о нашей особой миссии на Земле. Есте-

ственно, что такие замечательные детки, как мы, могут посещать Храм в любое время, чтобы молить о прощении грехов наших предков. Можно подумать, это *мы* разрушили Землю. В течение дня Храм открыт для внешнего мира. (Честно говоря, в это время и убежать-то не хочется. Днем не тянет на безумства. Что нам, прибиться к жителям окраин? Побывать в заводском сборочном цехе? Нет уж, вот ночью – другое дело.) Но ночью Храм закрыт.

Когда Перл предлагает сбежать через Храм, я смотрю на нее, как на ненормальную. Линкс украдкой хитро улыбается. Она уже видит, как меня хватают, исключают, видит, как она занимает свое прежнее место, рядом с Перл.

– Но у выхода будет стоять служитель Храма, – напоминаю я Перл.

– Точно, но там есть и другие двери.

– Но к ним же...

– Надо идти мимо Звездного зала, через кельи жрецов. Куда, помимо жрецов и жриц, вход строго запрещен кому бы то ни было. Это может *крайне* плохо кончиться.

Несмотря на смятение, я обнаруживаю, что с нетерпением жду вечера. Это будет увлекательное испытание. Внезапно меня охватывает приступ клаустрофобии, словно «Дубы» сжимаются вокруг меня. Чушь. Кампус огромен. Хотя он и окружен высокой стеной, но нет поводов чувствовать себя здесь пленницей.

Но вслух я произношу:

– Тогда мне лучше надеть кроссовки. Думаю, что шпильки не подходят для такого дела.

В предложении Перл есть доля риска. Меня это тревожит. Но, конечно же, я сделаю это. Еще и с улыбкой.

В этот вечер мы собираемся и одеваемся, как и положено на праздник. Нам нужно показаться на глаза, иначе директор заподозрит неладное. Школа у нас небольшая, и если самые примечательные, известные персоны не придут, это будет заметно, и пойдут разговоры. Так или иначе, суть плана состоит в том, чтобы нас всенепременно заметили.

Я направляюсь к комнате Перл, но, едва берусь за ручку двери, как слышу, что она с кем-то разговаривает. Наверное, это Линкс плетет свои интриги против меня, думаю я, замирая и прислушиваясь. Беседа оживленная, но голоса слишком тихие, чтобы можно было разобрать слова. В одном из них я слышу резкий командный тон и понимаю, что это не Линкс.

Это мама.

Что она делает в кампусе, черт возьми? И почему она с Перл? Я прижимаюсь ухом к двери, но она не заперта, и я нечаянно приоткрываю ее. Голоса внутри резко обрываются. Секунду спустя Перл распахивает дверь.

– Какого чер!.. А, это ты. Рановато.

Я смотрю в глубь комнаты.

– Мама? Что ты здесь делаешь?

Она сидела на кровати Перл, положив ногу на ногу. Увидев меня, она распрямляет ноги и непринужденно поправляет свои светлые волосы.

– Конечно же, я пришла повидаться с тобой, милая, – ласково отвечает она.

– Да, но... почему...

– Впрочем, Перл напомнила мне, что сегодня вечеринка, посвященная Празднику снега, поэтому я приду в другой раз. Она встает, как всегда яркая и независимая.

– Хорошо, – говорю я, обхватив ее руками, когда она подходит, чтобы наскоро обняться; как обычно, мои объятия длятся чуть дольше, чем ее. У меня к ней еще куча вопросов, но она уже в дверях, прощально машет мне рукой. Бедная мамочка. У нее почти нет времени, чтобы встречаться со мной. Уработают они ее до смерти в этом Центре. Она работает не покладая рук. Наверное, ей приходится быть такой. Ее задача – не допускать мятежей и восстаний в Эдеме. Поскольку ни одного пока не случилось, видимо, она успешно справляется с этим.

Но все же мне хотелось бы побольше проводить с ней времени. Видеться чаще чем раз в неделю по пятницам. Для меня в мире нет ничего важнее мамы. Мама единственная, кого я люблю и кому доверяю, она мой кумир.

– Перл, – спрашиваю я, когда мама уходит. – О чем это вы двое болтали?

– Да просто о девичьих пустяках, – сказала она. – У тво-

ей мамы отменный вкус. Я хотела надеть эти босоножки, но она сказала, что в серебряных лодочках мои ноги кажутся длиннее.

Она демонстрирует туфли, вытягивая свои стройные ножки, чтобы я повосхищалась.

– А еще она одолжила мне свои сережки. У тебя офигенная мама.

Я чувствую, как во мне закипает ревность. Я хочу, чтобы мама *мне* давала советы о том, какие туфли надеть. Я хочу, чтобы она дарила *мне* такие блестящие подарки, как те зеленые ограненные камни, которые сверкают в ушах Перл подобно маленькой копии Центрального Глаза. Вот что должна делать мама. На самом деле она уделяет мне достаточно внимания, когда мы вместе, спрашивает про мои мечты, моих друзей, чем я занимаюсь. Она старается, чтобы я расслабилась и отвлеклась от школы. Но мне бы так хотелось, чтобы иногда у нас с ней были свои девчоночьи разговоры, чтобы мы вместе ходили в салоны красоты, по магазинам... Но у нас никогда не хватает на это времени.

Может, мама хочет устроить что-нибудь особенное и попросила мою лучшую подругу помочь ей с этим? Может, она придумала что-то на следующие выходные, только для нас двоих? И ей понадобилась помощь Перл, чтобы подготовить сюрприз? Меня начинает разбирать любопытство. Да, наверняка так и есть. Скоро мой день рождения, и мама хочет приготовить что-нибудь особенное. А зачем еще ей понадоби-

лось идти к Перл, вместо того чтобы встретиться со своей дочерью? Пока я помогаю Перл внести последние штрихи в ее прическу, я осознаю, что настроение у меня улучшилось.

Перл заплатила музыкантам, и, когда мы входим, они играют нашу любимую песню. За нами тут же увязалась какая-то фанатка, которая хочет присоединиться к нашему тесному кругу, но зря надеется. Кампус украшен серебристым снегом, сделанным из мерцающих металлических наноботов, парящих на микродвигателях на уровне наших коленей. Они так прекрасны и ослепительны, что настоящий снег показался бы жалким и серым по сравнению с ними.

Перл похожа на ледяную скульптуру в бело-серебряном кружевном платье, которое подчеркивает ее фигуру. Ее блестящие, почти белые волосы уложены в высокую прическу, лишь пара прядей вьется у щек. Все взгляды прикованы к ней, но сама она ни на кого не смотрит, даже с высокомерием. Большую часть времени на ее лице отражается легкое удивление, граничащее со скукой. Я слышу вздохи зависти, несколько негромких едких замечаний.

Я тоже планировала надеть что-нибудь модное, но пришлось поменять мой праздничный наряд на что-то более функциональное. В конце концов, может быть, нам придется бежать, но Перл, похоже, это не заботит. Я ограничилась юбкой свободного покроя серого оттенка и черными сапогами-чулками с едва заметными переливающимся серебряны-

ми вставками. Мой наряд сшит из черных искусственных перьев, гладких и блестящих, как крылья ворона. Я гордо иду на полшага позади Перл. В любое другое время я бы купалась в лучах обожания, но сегодня я не могу оторвать взгляд от выхода.

Наша песня закончилась, и внезапно рядом со мной появляется Хоук, прикасается к мягким перьям на моем плече.

– Привет, красotka.

Собственно, все так, как я и предполагала. Он влюблен, а все влюбленные такие предсказуемые. Ими легко управлять.

Все смотрят на Перл, которая схватила своего очередного парня на «неделю» или на «час» и потянула его к столешнице. Она извивается перед ним – жаркая снежная королева, и даже не одобряющие такого поведения братья и сестры не могут отвести взглядов, хотя готовы в любой момент мягко попросить ее прекратить. Но еще не время. Она неотразима, и завистники и обожатели смотрят не отрываясь.

Кроме Хоука. Он даже не заметил ее. Все его внимание отдано мне.

Чудненько.

Я резко, почти неистово притягиваю его к себе, прижимаюсь к нему всем телом. В его глазах написано изумление, но секунду спустя он уже целует меня в ответ. Я беру его руку и веду туда, куда мне нужно, и его прикосновения настолько нежны и неприличны, что я почти не притворяюсь, когда отталкиваю его и, перекрикивая музыку, издаю громкий вопль

возмущения, смешанный со страхом.

Хоук уставился на меня с недоуменным выражением лица, а я отстранилась, вытянув руки вперед, как будто защищаясь.

– Как ты посмел? – кричу я, оглядываясь в поисках поддержки в эту минуту наигранного ужаса. Перл тут же оказывается рядом.

– Чудовище, – тихо произносит она, так чтобы услышали только те, кто стоит рядом. Отлично, сплетня разлетится со скоростью света. Перл обхватывает меня, словно защищая. – Как ты посмел такое вытворить!

К нам подходит одна из сестер, спрашивая, что случилось, и Перл шепчет что-то ей в ухо, отчего та краснеет, а затем смотрит на Хоука как на преступника. Хоук выглядит крайне озадаченным.

– Но я не... – пытается объяснить он, хотя понятия не имеет, в чем оправдывается.

Сестра широко раскрывает руки, и зеленые полы ее рюсы раскрываются, как крылья попугая, стеной отделяя нас, нежных, невинных созданий, от неотесанного мужлана, который домогался меня.

– Пожалуйста, сестра, – говорю я подавленным голосом, – я бы хотела посетить Храм, если возможно. Он заставил меня почувствовать себя такой... нечистой.

Когда мы уходим, я вижу, как брат Бёрч кладет властную руку на плечо Хоука и уводит его в противоположную сто-

рону. Линкс и Коппер присоединяются к нам, и, сопровождаемые сочувственными причитаниями сестры, мы доходим до Храма.

– Мне надо возвращаться на праздник, чтобы присмотреть за остальными, – говорит она и печально покачивает головой. – Поверить трудно, что такое произошло в наших «Дубах», осененных тенью Храма! Юноши уже не те, что раньше.

Я чуть не прыскаю от смеха. Что эта брюзжащая старая дева может знать о молодых людях?

– Юные леди, вы сможете побыть в Храме наедине? Боюсь, что все служители Храма сейчас на празднике. Кроме стража у двери, конечно же.

Именно на это мы и рассчитывали.

– Я чувствую себя здесь в полной безопасности, – смиренно говорю я. – Словно я в лоне Земли!

Как нам удалось в тот момент сохранить серьезные лица – ума не приложу. Она что-то еще бормочет, пока я не напоминаю ей, что снегопад начнется с минуты на минуту. Наконец-то она оставляет нас одних.

Перл смотрит на меня с нескрываемым восхищением.

– Сработано как по волшебству! – говорит она, щелкая пальцами. – Ты видела выражение лица Хоука? Бедолага. – Она изобразила притворное сочувствие. – Ты думаешь, его исключат?

– Нет, – говорит Линкс, пристально глядя на меня, – про-

сто будут звать сексуальным маньяком.

Я смеюсь вместе с ними, но, вспомнив выражение мучительного изумления на его лице, быстро говорю:

– Давайте найдем дверь и выберемся отсюда. Нам надо уйти до снегопада, иначе мы оставим следы.

Главная часть Храма, где верующие собираются на короткие дневные мессы и одну долгую воскресную, увенчана куполом матового синего цвета, который при дневном освещении кажется небесным сводом, но сейчас, после заката, напоминает ледяную пещеру. Обычные прихожане, которые не посвятили себя служению Земле, хотят иметь крышу над головой. Тем не менее, самые священные места Храма не имеют крыши и открыты небесам. Жрецы говорят, что поклоняться Земле можно только снаружи. Когда проходит свадьба, рождается ребенок или старик уходит в вечность, которая ждет нас после смерти, все отправляются в Звездный зал. Мы сейчас идем туда. Это помещение без крыши, открытое небу и ветрам, а вскоре и снегу. Позади него несколько комнат, которые паства никогда не видит: кабинет высшего жреца, святая святых брата Бёрча, и Комнаты Таинств, лабиринт, который хранит самые сокровенные тайны нашей религии.

Мы на цыпочках входим в Храм, прижавшись друг к другу, трепещущие, несмотря на нахальный замысел. Вот ряды скамеек, отполированных спинами нескольких поколений прихожан. В дальнем углу – выход, у которого есть аль-

ков, где сидит привратник. Невидимый и неслышимый, он, должно быть, спит и не заметит, как мы проникнем в тайные комнаты. А если вдруг проснется и увидит, что нас нет, то подумает, что мы вернулись на праздник.

– Что, если нас поймают? – спрашивает Коппер.

– Скажем, что Ярроу спятила после случившегося и решила отвергнуть мужчин, навсегда став сестрой, – хихикает Перл.

Я смотрю на дверь, ведущую в запретные комнаты. Желудок, кажется, вот-вот выпрыгнет. С какой стати я решила, что у меня получится это сделать? Мне хочется уйти, вернуться на Праздник снега и слушать, как Хоук называет меня красавицей, хотя мне и нет до него дела. Мне хочется, чтобы все было легко, обычно и безопасно.

– Испугалась? – спрашивает Перл своим надменным тоном, и что-то распрямляется внутри меня.

Я поднимаю голову и, стиснув зубы, говорю:

– Пошли. – И стремительно направляюсь вперед.

Коппер, Линк и Перл пошли за мной, сдавленно хихикая.

– Поверить не могу, что мы здесь, – говорит Коппер, осматриваясь. – Мы можем нарваться на неприятности. – Она сотворяет знак семени.

Я пока не увидела ничего особо мистического и захватывающего. Это не комната, а скорее длинный, узкий, изгибающийся коридор, освещенный факелами, сжигающими какие-то вещества с неуловимым непривычным запахом. От-

крытый огонь я видела только пару раз за свою жизнь. В Эдеме нет ни угля, ни дерева. Почти все наши материалы рукотворны и негорючи. Пламя факелов завораживающе танцует, отбрасывая длинные тени на стены.

Нам неизвестно, как устроено это место – сюда допускают только жриц и жрецов – поэтому мы разделяемся в поисках двери, ведущей наружу. Перл устремляется в одну сторону, и Линкс тут же идет за ней. Я поворачиваю в другую сторону, и Коппер, мгновение помедлив, присоединяется к Линкс.

Не люблю быть одна. Когда вокруг нет людей, я чувствую себя опустошенной. Иногда напуганной, хотя никогда не признаюсь себе в этом. Все в порядке, говорю я себе. Они рядом. Я вовсе не одна.

Надо мной появляются первые тусклые звездочки в мерцающем небе. Нам нужна дверь, а вдоль внешней стены расположено множество дверей, я открываю их одну за одной, но каждый раз нахожу за ними кельи храмовых жрецов, в которых ничего нет, кроме кровати, стола и лампы.

В конце концов я добираюсь до двери на внутренней стене. На ней нет ручки, но, когда я прикасаюсь к ней, она мягко отворяется на хорошо смазанных петлях. Это шестиугольная абсолютно пустая комната, если не считать шести дверей – по одной на каждой стене. Еще двери! Я открываю первую и оказываюсь в еще одной точно такой же комнате с шестью дверями. Я прошла через несколько таких, пока в панике не осознала, что не запоминала, куда сворачивала. Я попыта-

лась пройти обратно тем же путем, но сразу же заблудилась. Если бы это было днем, возможно, я нашла бы дорогу по солнцу, но тусклые звезды, сияющие сквозь открытую крышу, не дают подсказки. Я заблудилась в сотовом лабиринте. Все комнаты одинаковые: пустые с шестью дверями.

Наконец, я оказываюсь в помещении, не похожем на другие: в центре на пьедестале стоит стеклянная чаша, полная земли.

Я нашла одну из Комнат Таинств.

Никто, кроме нескольких жрецов и жриц, посвященных в Таинства, не должен их видеть. Конечно же, как обо всем неизвестном, все время болтают о том, что хранится в Комнатах. Одни говорят, что там мумифицированное тело Аарона Аль-База, создателя Эдема и спасителя человечества, другие – что там кодировка для Экопаноптикума – колоссальной компьютерной программы, которая поддерживает жизнь в Эдеме.

Но то, что нашла я, куда проще и драгоценнее. Не менее двухсот лет никто во всем Эдеме не видел земли – настоящей земли. После того как мы разрушили планету и почти все живое на ней, нам пришлось укрыться в этом искусственном святилище. Почва Земли слишком ядовита для того, чтобы поддерживать в ней жизнь. Земля отравлена. Ни одно семя не выживет в ней. И, тем не менее, здесь, в комнате, чаша с жирной черной почвой.

Она настоящая? Надо уходить. Так нельзя. Но ничего не

могу с собой поделаться. Тихо, на цыпочках я подхожу к чаше и склоняю голову, делая глубокий вдох. Святая Земля, какой запах! Насыщенный, резкий и неопиcуемый. Она пахнет жизнью. Я хочу потрогать ее, но не осмеливаюсь. В конце концов, я должна. Кончиком пальца прикасаюсь к поверхности земли, оставляя едва заметный след. Потом тру пальцы друг о друга, ощущая песчинки и глядя на то, как они падают назад в чашу. Нельзя потерять и крупичицы. Это же она – настоящая почва Эдема.

Запах сохранился на моих пальцах, и я подношу их к лицу. Он необычен... но ожидаемый восторг не появился. Любoй другой житель Эдема упал бы на колени при виде такого зрелища. Он испытал бы душевный подъем, лелея надежду, что однажды наши потомки снова смогут свободно ходить по истинной и чистой Земле.

Я не испытываю ничего подобного. Наоборот, я разочарована. Ее слишком *мало*. Во мне растет дикое неоправданное раздражение, порыв разбить чашу вдребезги, раскидать землю по полу. Не может быть, что это все, что осталось, в ярости говорю я себе. Земля огромна. Земля – это леса, лани и травы. А не эта фальшивка. Издевка, ловушка...

Мои руки прикасаются к стенкам чаши, пальцы скользят по ее поверхности. Я никогда не осмелюсь. Какие бы идиотские мысли ни приходили мне в голову, это слишком ценная реликвия.

Затем я слышу позади себя визг, и кто-то хватает меня за

плечо и разворачивает. Я не успеваю вовремя убрать руки! Как в замедленной съемке я вижу, как чаша соскальзывает с пьедестала. Кольца Перл царапают мою шею, пока она хихикает и вопит оттого, что нашла меня.

– Мы нашли ее! – кричит она мне в ухо, пока чаша парит в воздухе, разлетается на куски и земля рассыпается. Перл настолько в восторге от самой себя, что совершенно не понимает, что сейчас произошло. Я тяну ее к двери.

– Мы должны уйти. Сейчас же!

Я впервые командую ею.

– Что это было? – спрашивает она, оборачиваясь через мое плечо.

– Выставка искусств, – вру я и, задыхаясь, захлопываю за нами дверь. Знаю, что в моих глазах написан дикий ужас, и я пытаюсь, хоть и безуспешно, выглядеть не ошарашенно. Меня точно вышвырнут из общества и казнят.

– Вы нашли выход? Тогда пошли.

Я вымученно улыбаюсь, что со стороны, наверное, сморщится дико.

– Я готова к снежной вечеринке!

Мы с Перл идем по коридору назад, направляясь к Звездному залу, где нас поджидают Линкс и Коппер. Секунду спустя, когда первые снежинки медленно опускаются на наши головы, мы ступаем в Эдем.

3

– Ты смогла! – кричу я, когда мы бежим прочь от сценической площадки, где внешние круги проводили свой конкурс на звание Снежной королевы. Снег идет уже несколько часов, и мы оскальзываемся и спотыкаемся, как пьяные. Воздух искусственно охладили, и снег лежит сугробами, окрашивая весь мир в белый цвет.

– А ты сомневалась? – спрашивает Перл, выгибая великолепные золотисто-белесые брови.

Вообще-то, да. С ней соперничали первые красавицы внешних кругов. Некоторые из них ничуть не уступали Перл своей красотой. Правда, Перл об этом говорить не стоит. Всех растрогала рассказанная ею история. Она зарегистрировалась под вымышленным именем и выступила с пространной речью о том, как ее угнетенная бедностью семья неделями недоедала, чтобы она смогла купить себе ткань на платье, которое ее мать кропотливо шила в перерывах между тремя работами. Рассказ Перл о том, как можно с гордо поднятой головой противостоять нищете, был настолько проникновенным, что даже я прослезилась, пока смотрела, стоя в сторонке. Что и говорить, роль она сыграла великолепно. (Да, в «Дубах» у нас есть уроки ораторского искусства.)

Тут мы радостно обнимаем друг друга, все раздоры на

время нашего головокружительного побега забыты (ненадолго). Сейчас фотографы ищут очаровательную «Руби», которая только что покорила сердца зрителей, но скоро они поймут, что она не только исчезла, но и вообще никогда не существовала. Перл вся светится своей победой. Когда мы заскакиваем на ближайшую остановку автолупа, она протягивает первому встречному бродяге свой пропуск в места для развлечений высших кругов.

– Видишь, – самодовольно произнесла она, – так или иначе, а конкурс помог нищему.

Мы смеемся, представляя, как грязный оборванец получает свободный доступ в самые престижные клубы Эдема. А вот другую часть приза – пополненную кредитную карту – Перл решает оставить, чтобы спонсировать нашу ночь приключений. Потому что, без сомнения, ночь только началась.

Я предлагаю пойти в «Арктику» – название заведения полностью соответствует этой холодной ночи. Клуб популярен среди учеников «Дубов» и других престижных школ. Но моя идея не вызвала восторга у Перл.

– У меня есть предложение получше, – говорит она. – Зачем идти туда, куда мы всегда ходим, и видеть знакомые скучные лица? Нынче мы пойдем в «Прилив»!

Я о таком даже не слышала. Она наигранно закатывает глаза.

– Увидишь. И до конца жизни будешь благодарить меня. Она приводит нас к одному из самых высоких зданий во

внутренних кругах. До этого я не обращала на него особого внимания, потому что здесь полно офисных зданий. Просто в этом еще больше людей горбятся ради денег. Хотя здесь уже богатые люди горбятся ради куда больших денег, но все же. Ученики «Дубов» происходят из семей, где денег столько, что мы никогда всерьез не задумываемся, откуда они берутся. Деньги в наших кругах – это данность. Власть и влияние – вот чего жаждут наши семьи.

Снизу огромное здание кажется темным.

– Нет тут никакого клуба, – начинаю я... а затем вижу очередь, вытянувшуюся вдоль улицы. Когда я приглядываюсь к людям в очереди, мне кажется, что я здесь лишняя. Они красивы. Впрочем, мы тоже. Но в них есть кое-что другое – в них гораздо больше самоуверенности, чем в нас. Это трудно передать словами. Если представить, что мы все бесстрашные воины, то я и мои подруги еще боремся в сражении, а эти люди в очереди уже одержали победу.

Они молоды, всего на пару лет старше нас. Но они уже взрослые. Эти два-три года разделяют нас, как пропасть. Я вижу, что даже Перл требуется минутка, чтобы прийти в себя. Совладав с собой, она устремляется вперед, к началу очереди, мимо ожидающих людей, всем своим видом демонстрируя бескрайнюю уверенность в себе. Она снисходительно улыбается громиле на входе и почти проскальзывает мимо него. Массивная рука преграждает ей путь.

– Только с восемнадцати лет.

Перл смеется низким голосом.

– А разве нам не дашь по восемнадцать? – она прищуривается, кокетничая.

– Нет, – коротко отвечает он и тут же отворачивается к роскошным женщинам в очереди, которые, окинув нас презрительным взглядом, через мгновение исчезают в темном холле.

Перл вспыхивает, ее лицо искажается небывалой яростью. Думаю, что ей уже давно никто не противоречил.

– Ну же, нет, – говорит она внезапно, когда мы медленно бредем прочь. Я слышу, как некоторые шикарные женщины в очереди смеются над нами. – Сегодня мы войдем в «Прилив», чего бы это ни стоило. Вперед!

Вот такую Перл я знаю и люблю. Мы идем вдоль здания и вслед за ней ныряем в проулок.

– Здесь должен быть еще один вход, – говорит она и, застав дыхание, толкает двери служебных выходов, пока, наконец, не находит незапертую. Мы пробегаем несколько пролетов и обнаруживаем лифты, ведущие на крышу. Но вечеринка не здесь. Двери лифта открываются на высокой площадке, от которой вниз спиралью уходит длинная водная горка цвета голубого льда. Она-то и ведет прямо на вечеринку, которая развернулась на крыше чуть ниже.

– Ни за что, – говорит Коппер, скрестив руки. – Не собираюсь портить водой свой наряд так рано вечером.

Перл, похоже, согласна, я же, не особо беспокоясь о неж-

ных перьях на своем платье, забираюсь на одну из горок и скатываюсь к месту вечеринки.

Потрясающее и почему-то знакомое ощущение – мчаться вниз с головокружительной скоростью. Изнутри панически узкая труба освещена снопами света, которые проносятся мимо во время полета, как будто меня засасывает вихрем. С каждым поворотом цветов в освещении становится все больше, пока они не превращаются в радугу, и я парю по небу, омытому тысячей оттенков. Дух захватывает! В последний момент все чернеет, словно я несусь сквозь космос. Не знаю, где я приземлюсь, но, по счастью, оказываюсь не в том огромном бассейне в центре крыши, а на мягких подушках. Обслуживающий персонаж уже ждет, чтобы помочь мне встать на ноги. Я почти не промокла, что заставляет задуматься, а не изобрели ли они такую искусственную воду, которая вопреки всем законам физики вовсе не мокрая, как настоящая вода.

Следом за мной прибывают Перл и остальные девочки, и мы замираем посреди царства голубого и белого. «Прилив» оформлен в океанском стиле, и участники вечеринки танцуют, веселятся и флиртуют вокруг бирюзового бассейна, который бушует реалистичными волнами, увенчанными пеной. Снег делает это зрелище еще более сказочным, спадая вниз пушистым потоком.

Мой взгляд останавливается на Перл, и я столбенею: она ослепительно красива, победоносна. Падающий снег зами-

рает на ее длинных ресницах, трепещет при каждом их взмахе и мягко падает вниз, растворяясь на пылающих щеках. На ее губах вспыхивает улыбка, полная озорного веселья. Она хватается меня за руку и тянет на танцпол.

Мы танцуем, вскинув руки вверх, словно это ветви деревьев, качающиеся на ветру. Мы поем, оплетая руками талии, словно вьющиеся стебли. Мы пьем, пока наши глаза не становятся почти прозрачными, а все вокруг не вызывает смех. Мы падаем друг на друга, заходясь в почти истерическом припадке здорового веселья, в нас бурлят жизнь и юность. Я даже забываю, что мы здесь не одни. Другие – просто декорация для нашего счастья.

Кто-то дает Перл маленькую золотую таблетку, и она кончиком ногтя разламывает ее пополам. Одну половинку она прячет себе под язык, а вторую протягивает мне на кончике пальца. Мы встречаемся глазами, когда я беру ее палец в рот и слизываю таблетку. На секунду кажется, что весь Эдем замер. Затем она смеется и снова тащит меня на танцпол.

Еще мгновение и таблетка начала действовать, отчего нам просто сносит крышу.

Не знаю, кому пришла в голову эта мысль, но внезапно Перл сбрасывает свои сияющие туфли, стягивает платье через голову и прыгает в бушующие волны искусственного бассейна, оставив на себе только тоненькую комбинацию. Ее неправдоподобно дорогое платье валяется на полу, но ей все равно. Она кувыркается как морская нимфа, без труда под-

нимаясь и опускаясь на гребнях волн. Булавки выскользнули из прически, и серебряные волосы растеклись по ее плечам, как расплавленный металл. Люди, стоящие вокруг бассейна, замерли, уставившись на нее. Не знаю, с восхищением или осуждением. Может быть, и то, и другое. Я знаю наверняка только одно: Перл всегда решается на то, о чем никто другой в мире не позволил бы себе даже подумать.

Меня всегда волнует, что подумают люди. Вот в чем я никогда не признаюсь Перл или еще кому-нибудь.

– Ну же, ныряй!

Снежинки кружатся вокруг ее головы, растворяются, касаясь поверхности воды.

– Вода теплая!

Она плавает вдоль бассейна уверенными ленивыми махами.

Она притягивает к себе как магнит.

Я хочу быть как она, и мне нужно ее признание – вот что пронеслось в моей голове и в следующий миг я уже стягиваю свои высокие сапоги, сбрасываю черную пернатую юбку и бросаюсь в волны. Мне представляется, как я плыву рядом с ней, кувыркаясь в бурной пене, ныряя и выныривая, подобно давно вымершим дельфинам.

Вместо этого я иду ко дну как камень.

Я умею плавать. Я помню, как ходила с мамой в бассейн в родительском общественном клубе, когда была маленькой девочкой. Помню и реку в парке на Пятом кругу с искус-

ственной галькой по берегам и механической рыбой, лениво плавающей в циклическом течении. Эти воспоминания далеки и покрыты неясной пеленой, как будто кто-то подробно описывал мне все это, а я не особо прислушивалась. Но мне доводилось бывать в воде и позже, я покачивалась на спине, паря в невесомости: только умиротворение и никаких забот, и утешающий голос где-то совсем рядом; он просит меня успокоиться, расслабиться, поверить, что все будет хорошо...

Но сейчас вода – это враг, пожирающий меня. Мои руки колотят по воде, и хотя, несмотря на панику, у меня хватает ума не открывать рот, вода все равно попадает в нос, и я выдыхаю ее, пуская пузыри. Затем мои ноги касаются дна – глубина выше моего роста, но не больше чем на полметра – и я отталкиваюсь, выныривая на поверхность, где глубоко и жадно глотаю воздух. Тут же волна ударяет мне в лицо, и я снова ухожу под воду.

Я пытаюсь грести руками, но толку от этого мало. Вода, которая казалась такой потрясающей и уютной с сухой земли, превращается в яростный кулак, который затыкает мне глотку, чтобы я захлебнулась. В какой-то момент я умудряюсь набрать чуть больше воздуха и закричать: одиночный сдавленный звук, который наверняка никто не услышал за шумом музыки и голосов. Прежде чем снова уйти под воду, мне кажется, что я слышу омерзительный смешок Линкс. Неужели она лобуется, глядя, как я умираю?

Затем раздаётся громкий всплеск, и меня хватают за плечо, вытягивая вверх; я изворачиваюсь и мертвой хваткой цепляюсь в то, что попадаетея под руку. Сквозь туман я вижу лицо того самого охранника, который нас не пускал. Но сейчас для меня он не человек. Он – это воздух, твердая земля, он – это жизнь, и я цепляюсь за него и изо всех сил (откуда только они взялись!) карабкаюсь на него, вынуждая уходить под воду. Не важно, утонет он или нет – главное, что выживу я. Морозный воздух сковывает мое лицо, но это самое прекрасное, что мне доводилось испытывать.

Он в два раза больше меня, но мне, охваченной безмерным ужасом, удастся удерживать его под водой, чтобы самой оставаться на поверхности. Наконец, он скидывает меня и, положив свою огромную массивную руку мне на затылок, удерживает меня под водой. Я сопротивляюсь, но из последних сил. В мое сознание прокрадывается искрящаяся тьма. Мое тело тяжелеет, теряет подвижность. Мир вокруг блекнет...

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем я пришла в себя, выплевывая воду. Вокруг меня собрались люди, я вижу их осуждающие, насмешливые и презрительные взгляды. Не понимаю, где я. Все, что я знаю: здесь небезопасно. Эти люди и эта открытость. Мне нужно быть где-то в другом месте – надежном, маленьком, закрытом, без посторонних. За стеной. Под землей.

Это приходит мне в голову, когда я вижу дрожащую Перл.

Растрепанная, испуганная, но все равно красивая, она стоит, укутанная в пальто какого-то благородного или очарованного ею мужчины, и снег кружится вокруг нее. Она подмигивает мне, растирая озябшие руки и последнюю толику той самой таблетки, которую она мне дала недавно, заглушают отголоски только что произошедшего, превращая почти случившуюся трагедию в момент сближения. Что ж, еще одно приключение, будет о чем рассказать.

Вышибала грубо ставит меня на ноги, и Коппер протягивает мою пернатую юбку и высокие черные сапоги.

– Вот, – говорит охранник, – почему мы не позволяем малолетним, сверхпривилегированным соплякам из Центра появляться здесь. Ждите в моем кабинете, пока не приедут зеленорубашечники и не составят протокол.

Он подталкивает меня вперед, но добавляет с долей сочувствия:

– Там тепло.

Как только мы оказываемся в крошечном (но божественно теплом) кабинете, Перл с видом собственного достоинства произносит:

– Не могли бы вы нас оставить, пожалуйста, – скорее повелительным, чем просительным тоном. – Нам бы хотелось привести себя в порядок, прежде чем придут зеленорубашечники.

Вышибала колеблется, и я бросаю на него взгляд, полный мольбы и отчаяния – поверьте, в ту минуту он дался мне без

труда – и он сдаётся.

– Я буду прямо за дверью.

Как только он выходит, Перл заявляет:

– Не собираюсь сидеть и ждать, пока придут зеленорубашечники, арестуют нас и водворят обратно в «Дубы».

– Помнится, ты говорила, что особых проблем не будет, если они нас схватят, – замечаю я охрипшим голосом. Горло у меня болит так, будто его выскребли изнутри.

Перл закатывает глаза.

– Я же не думала, что нас поймают. И нас не поймали. Никто не сканировал наши глаза, ни у кого нет ни малейшей зацепки, кто мы такие. Все, что нам нужно – это выбраться отсюда.

– Мимо громилы, который охраняет выход, – перебиваю я ее, но она не обращает внимания на мои слова.

– И прошмыгнуть в «Дубы» – никто ни о чем не догадается. Мы будем в своих постелях, прежде чем кому-нибудь станет известно, что мы уходили. Сейчас вечеринка в «Дубах», без сомнения, в самом разгаре. До рассвета еще несколько часов, и ты знаешь, что она продлится до самого завтрака. – Она зевает, прикрывая рот тыльной стороной ладони. – Ох, старею, наверное. А вы, девочки, можете вернуться на вечернику, если хотите. – Когда она одаривает нас этим разрешением, я замечаю, что она смотрит на двух других девушек, но не на меня.

– Да, но как мы выберемся отсюда? – спрашивает Линкс.

Вот *сейчас* Перл смотрит на меня.

– Ну же, Ярроу. Все зависит от тебя.

Меня? И как мне это сделать? Сцепиться с охранником? Вызвать службу спасения? Минутку... спасения... В здании есть система пожарной безопасности, и каждая комната должна быть оснащена рубильником, чтобы включить ее. Если бы я только могла... Вот оно! Не теряя времени на раздумья, я дергаю маленький рычаг, и сразу же оглушительная сирена пронизывает все здание. Я слышу крики, топот бегущих ног, и мы врываемся через двери в орущую толпу. Над их головами я вижу яростное лицо вышибалы – он прекрасно знал, кто устроил эту заварушку, но сквозь толпу ему до нас не добраться.

Секунду спустя, когда мы понимаем, что спасены, мы начинаем хохотать, и Перл обнимает меня.

– Быстро соображаешь, Ярроу.

Я нежусь в лучах ее одобрения. Вот сейчас мы выберемся из здания, и путь свободен.

Так нам кажется. Но внезапно на улице появляются зеленорубашечники.

– Вон та, мокрая, с перьями! – кричит охранник офицерам, указывая на меня. Наверное, потому, что мое одеяние легче всего описать.

– Бежим! – кричу я, хватая Перл за руку, и тяну ее в противоположную сторону. Толпа, вытекающая с вечеринки, оттеснила зеленорубашечников, и эта заминка дала нам воз-

возможность свернуть за угол.

– Что нам теперь делать? – ноет Коппер, когда мы на каблуках и в мокрой, прилипающей одежде бежим прочь. – Нам не удрать от них.

Перл останавливается, чтобы перевести дыхание.

– Одна из нас сможет. Ярроу, ты бегаешь за школьную команду. У тебя единственной есть шанс сбежать. Мы спрячемся, а ты уведешь их в сторону.

Мне эта мысль не по душе.

– Нет. Побежали вместе. Если мы поторопимся, мы сможем...

Она останавливает меня взглядом.

– Ты разочаровываешь меня, Ярроу. Я бы пошла ради тебя на такое.

Что-то внутри меня отчаянно хочет верить в то, что это правда. И вот я уже жду, пока они спрячутся в проулке... и на пределе скорости бегу прямо на зеленорубашечников. Надеюсь, игра стоит свеч.

Когда они появились из-за угла, я пронеслась перед ними, как торпеда, так что они отпрянули назад и попытались схватить меня. Секунду спустя они уже несутся за мной. Кажется, они забыли, что нас было четверо. Я – ближайшая цель, и, похоже, они решили, что если схватят меня, то я сдам им имена моих подруг. Ха-ха! Пусть хоть пытаются – не дождутся!

Я слегка напугана, и ноги болят от этих смехотворных туфель. Но в то же время я чувствую необычное возбуждение.

Чувствую, как кровь стремительно несется по моим венам, руки и ноги работают в бешеном ритме; я совершенно свободна.

Мы несемся по улицам Эдема, и хотя я быстрее, чем они, меня подводят одежда и обувь. Вскоре они начинают догонять меня. Я понимаю, что рано или поздно, но они меня схватят.

Я ныряю в прилегающую улицу, надеясь, что смогу оторваться. Но, пробежав весь путь до конца, понимаю, что это тупик. Я в ловушке! Может, надо вернуться на открытую улицу, прежде чем они сообразят, что я исчезла? Нет, время упущено. Они стоят у входа в проулок. Больше не бегут. Они знают, что деваться мне некуда.

Нельзя допустить, чтобы меня схватили! Эта убежденность охватывает меня, переполняет. Не знаю, почему мне так важно, чтобы меня не поймали. Мама будет в ярости, конечно, но она же возглавляет разведку. Она не даст ход делу, и к утру уже не останется никаких следов этого происшествия. Но почему-то мне кажется, что случится что-то непоправимое, если зеленорубашечники схватят меня.

На улицу выходит фасад здания, отделанный модным искусственным камнем, кажущимся замшелым, как задняя стена сельского домика из прошлого, до Гибели Природы. Этажи выше первого выложены фотоэлектрическими, энергопроизводящими материалами, которые покрывают почти все здания в Эдеме. Декоративные накладки на нижних эта-

жах весьма живописны. По ним я и начала стремительно карабкаться вверх.

Где-то в шести метрах над землей я вижу открытое окно. Мой желудок сжимается в спазме. Я хочу вернуться на Праздник снега и слушать, как Хоук называет меня красивой, хоть он мне и безразличен. Пусть все будет как обычно, легко и безопасно.

Но другого выбора нет, иначе придется сдаться.

Я начинаю карабкаться по стене. Это одновременно и самое легкое, и самое сложное, что я когда-либо делала. Мое тело, гибкое и сильное, кажется, само знает, что делать. Пальцы без проблем цепляются за самые маленькие трещинки. И все же с каждым движением все внутри меня кричит: *Нет! Вернись!* Я боюсь упасть, но есть кое-что похуже. Меня тянет вниз особенное, психологическое притяжение, с которым приходится бороться на каждом пройденном сантиметре.

Внизу зеленорубашечники кричат, чтобы я спускалась. Один из них предлагает оглушить меня электрошоком. Другой говорит, что если я потеряю сознание и свалюсь, придется иметь дело с кучей писанины. Третий логично замечает, что надо просто поставить охранников у двери и поджидать меня там.

В конце концов я добралась до окна. Я вспотела, и мое сердце, кажется, готово выпрыгнуть наружу, хотя мышцы совсем не устали. Я распахиваю окно шире, чтобы пробрать-

ся внутрь, и вползаю в темную, пустую комнату. Мой желудок снова бунтует. Тротуар кажется таким далеким. Я ведь и правда могла упасть и сломать ногу, умереть. Глянув вниз, я машу рукой зеленорубашечникам.

Не удивлюсь, если они прождали меня всю ночь у входа. Очевидно, они не заметили, как я поднялась на крышу, а потом выбралась на соседний чердак, а оттуда на лифте спустилась вниз и растворилась в ночи.

4

Надо сильно постараться, чтобы ошарашить Перл. Мне удалось добиться этого одним своим появлением в классе на следующее утро.

Она расслаблялась в своей скорлупе. Мне были видны только ее длинные ноги. Ее окружала половина учеников нашего класса. Все тянулись к ней, как подсолнухи к солнцу, поклоняясь ее излучению. Поначалу меня вообще не заметили, поэтому мне удалось услышать, о чем она говорит.

А говорит она обо мне.

– Не знаю, что происходит в голове у этой несчастной, – вещает Перл. – Сначала она выдвинула это истеричное, неоправданное обвинение против Хоука. – Вокруг раздаются возгласы сочувствия.

Что? Я чувствую, как вспыхивает мое лицо. Ведь именно *она* настояла, чтобы я оклеветала Хоука. Чувство стыда, которое я испытала, когда поймала выражение изумленного страдания на его лице, до сих пор сжигает меня изнутри.

– А потом, когда мы были в Храме, она начала вопить, что нужно сбежать, вырваться на свободу. Затем она удрала от нас. Я решила, что она вернулась в комнату, но сегодня утром услышала, что она на самом деле сбежала из «Дубов»! Представляете? Трудно даже вообразить, что мою лучшую подругу упекут в тюрьму, или вернут семье, или, не знаю,

исключат из «Дубов» и отправят в школу «Калахари».

Все смеются, как будто хорошая, но второстепенная школа – это хуже, чем тюрьма.

– Знаете, – с приторным подобием сочувствия, которое мне хорошо знакомо (этакий снисходительный тон, к которому она прибегает, когда ей надо достичь своей цели), – мне действительно кажется, что Ярроу понемногу сходит с ума. Бедолага.

Челюсти сводит от боли, зубы скрипят. Просто поверить не могу, что она говорит все это, выставляя меня идиоткой. Почти преступницей. Я понимаю, что она делает это для того, чтобы замести следы, чтобы никто не заподозрил, что не только я покидала пансион прошлой ночью. Но зачем же быть настолько злорадной?

А затем до меня доходит. Она не может понять, что случилось с ее лучшей подругой. *Лучшей подругой.*

Мне кажется, что внутри меня тут же растаял ледник, уступая место нахлынувшим теплым чувствам. Я словно наркоман, получивший дозу синтмескалина. Словно где-то глубоко внутри меня нажали кнопку. Ощущения крайне необычны и абсолютно божественны. Как Любовь. Как пища для голодающего.

Не то чтобы мне приходилось голодать. Влюбляться, впрочем, тоже, в том самом смысле.

Я немедленно прощаю Перл. Я сделаю все ради нее, пойду за ней куда угодно. Потому что я ее лучшая подруга. Мое

лицо вновь обретает естественный оттенок. Челюсти расслабились, и я наконец прохожу дальше и говорю как ни в чем не бывало:

– Доброе утро! Скучали?

Я не спеша одариваю Перл таинственной улыбкой, но тут входит наш профессор экоиории и велит занять скорлупы, чтобы начать урок.

Класс расходится по своим местам, но Перл просто стоит с открытым ртом и приходит в себя только спустя несколько мгновений, когда все уже расселись.

– Как?! – лепечет она. Она выглядит почти раздраженной, как будто мое возвращение целой и невредимой – это такой грандиозный подвиг, который только *ей* позволено совершить.

– После урока, – шепчу я в ответ и залезаю в свою скорлупу. Сразу же на экране высвечивается тема сегодняшнего урока: опыление. И вот уже я – в поле, окруженная виртуальными цветами, посреди луга, кажущегося бесконечным. Скорлупа способна великолепно создавать атмосферу: я ощущаю жаркое солнце, согревающее мои плечи, и легкие дуновения освежающего ветерка. Бабочка с трепещущими полосками оранжевого и черного цветов порхает около моей головы, садится мне на руку. Я чувствую, как ее лапки щекочут меня. Рядом жирная пчела, покрытая пылью, приземляется на золотистый цветок, и стебель склоняется под ее весом. Она пьет нектар, покачиваясь вверх и вниз. Вокруг я

слышу жужжание сотен других пчел. Пчел, которые исчезли еще даже до Гибели Природы.

– К 2010 году, – говорит наш профессор, – человечество осознало, что многие из пестицидов, которые оно использовало, опасны для пчел.

Гудение его голоса сливается с жужжанием пчел в виртуальном мире моей скорлупы.

– Многие пчелиные семьи погибли, а те, что выжили, были настолько слабы, что их ульи становились легкой добычей грибка и со временем погибли. К 2070 году ни одной пчелиной колонии на Земле не осталось. Хотя инженеры и спроектировали робопчел, они не могли...

Внезапно он прерывается:

– Да? Чем могу помочь?

Я высовываю голову из райского луга, освещенного солнцем, в холодную обыденную реальность классной комнаты, чтобы узнать, почему урок прервался. Искусственное солнце по-прежнему припекает мою спину, но когда я вижу, в чем причина задержки, холодок пробегает по моей спине.

Это девушка. Обычная девушка, с непримечательным лицом и длинными, тонкими волосами, окрашенными в сиреневый цвет. Мне кажется, что в глубине сознания я слышу голос Перл, которая ерничает по поводу немодного цвета ее волос, как вчера высказывалась о моем. Но издевки Перл – это просто далекий отголосок на фоне внезапного рокота у меня в ушах, напоминающего гул океана. Мне доводилось

слышать имитированный шум океана в своей скорлупе во время уроков, но сейчас он звучит в моей голове. Он нарастает, как раскаты подземных толчков, пока я смотрю на нее.

Затем шум стихает, и я испытываю облегчение. Нет, не облегчение. Опустошение.

Я смотрю на нее, стараясь быть объективной, оценивающим взглядом, как на добычу. Легкую добычу. Одежда добротная, хотя и без изысков. Она явно из состоятельной семьи – раз она здесь – и может позволить себе покупать одежду в лучших магазинах. Правда, по ней не скажешь, что она привыкла приобретать наряды у лучших дизайнеров. Стиль необычный, в чем-то даже интересный: юбка-платок желто-зеленого цвета весеннего листа, с узором из дубовых листьев и стебельков. Но Перл такого бы никогда не надела, поэтому я считаю этот наряд неприемлемым.

Ее длинные волосы уложены беспорядочной волной, их кончики неаккуратно выются. Мода в «Дубах» требует филированной стрижки с ровным отчетливым краем. Мои светлые волосы подстрижены асимметричным каскадом. Ее же кажутся дикими, как луг по сравнению с подстриженным газоном. Наверное, ее стрижет дома мама.

А ее лицо...

Не могу заставить себя смотреть на него. Рокочущий звук снова может вернуться.

Я трясую головой, силясь избавиться от мысли о нем. Может быть, у меня грипп и голову и уши заложило? Просту-

жаются в Эдеме редко: нас прививают почти ото всего, но обычный грипп, который мутирует каждый год помимо нашей воли, мы бессильны изжить до конца. Вот, наверное, почему у меня такое странное ощущение. Точно, это грипп.

Я снова устраиваюсь в своей скорлупе. Кем бы ни была эта девушка, мне нет до нее дела.

Я позволила виртуальному лугу управлять своими ощущениями, ожидая, когда мы вернемся к занятию. Профессор медлит в замешательстве: он не ожидал появления новой ученицы. Для нее нет свободной скорлупы.

– Сегодня ты можешь сесть с кем-нибудь, – наконец говорит он. – Перл, ты не могла бы...

– Нет, – громко и отчетливо отрезает она.

Профессор смущенно кряхтит. Только Перл хватается дерзости, чтобы напрямую отказать. Я подавляю смешок. Мне почти жаль профессора. А вот новую девушку – нет. Все в ней буквально кричит о том, что она не принадлежит «Дубам».

– Ярроу, – почти с отчаянием в голосе просит профессор, – ты не будешь столь добра сегодня поработать с... напхни свое имя.

– Ларк⁷, – отвечает она низким приятным голосом. Внезапно я чувствую головокружение. Такое сильное, что не могу ничего сказать и только издаю неопределенный звук, который профессор принимает за знак согласия. Я определен-

⁷ Lark – жаворонок.

но подхватила какой-то вирус.

Я даже не стала смотреть на нее, пока она устраивалась рядом. Я отодвигаюсь подальше, насколько это возможно, но мы все равно почти касаемся друг друга бедрами. Я чувствую тепло ее тела.

– Привет, – бормочет она. От ее дыхания подрагивают мои волосы. Просто омерзительно! Я уставилась в одну точку.

Чувствую, как она смотрит на меня. Хочется сказать ей, чтобы она ушла, но у меня будут неприятности, если я сорву занятие. Мне и так сильно повезло, что удалось избежать наказания за самовольную отлучку прошлой ночью. Капельки пота проступают у меня на затылке и под мышками.

– Меня зовут Ларк, – шепчет она, и тут мне становится совсем невыносимо. Желудок схватывает; мне нужно немедленно выйти, иначе меня стошнит прямо здесь.

– Пусти! – кричу я, и, прежде чем она успевает подвинуться, я выталкиваю ее так, что она летит на пол, а неровный край ее юбки задирается выше колен. Но мне все равно, я даже не оглядываюсь. Мне нужно поскорее выйти. Когда я вылетаю из класса, до меня доносится голос Перл:

– Четко сработано.

Она думает, что я ломаю комедию, сообщая таким образом окружающим, что не стоит заставлять меня сидеть рядом с «новым богатым никем», что я унижаю эту самую Ларк. Перл гордится мной. Я чувствую, как внутри растекается слабое тепло, притупляя острую лихорадочную боль, но

это мне не приносит радости. Я бегу в свою комнату, и, как только оказываюсь внутри, меня выворачивает наизнанку.

Потом я лежу на кровати, приложив руку ко лбу. Сердце бешено колотится. Подруги приходят навестить меня на перемене.

– Как ты смогла это сделать? – спрашивает Перл с нескрываемым восторгом, усаживаясь на край моей кровати. – Почему тебя не исключили?

Ни тебе «*С тобой все в порядке?*», ни «*Как ты себя чувствуешь?*». Я отодвигаюсь, чтобы освободить ей место.

– Вот-вот, – говорит Линкс, – я была уверена, что мы никогда тебя не увидим.

Она ухмыляется, и я улыбаюсь ей в ответ с притворным дружелюбием.

– Тебе бы этого очень хотелось, Линкс?

Головокружение и тошнота прошли, и я чувствую себя лучше. Нет, не просто лучше. Я будто переродилась. Стала сильнее.

– Ну же... выкладывай! – настаивает Коппер.

Я принимаюсь рассказывать про свои приключения, но почти сразу Перл начинает демонстрировать, как ей скучно. Она даже зевает. Как только я закончила, она говорит:

– Ну, что ж. Теперь все в прошлом.

Слишком уж много внимания мне было уделено.

– Все, пойдемте. Перемена почти закончилась. Ах да, Ярроу, ты ужасно выглядишь.

Я кидаюсь к зеркалу, но обнаруживаю, что выгляжу как обычно. Асимметричная прическа, волевой подбородок, высокие скулы, плоские, серые с серебряным отливом глаза. Я изменилась? Может быть. Не могу сказать, в чем именно. Но внешне ничего не поменялось.

– Да, Ярроу, – насмешливо произносит Линкс. – На время придется забыть о вечеринках. Ты сама на себя не похожа.

– Поспешим, – говорит Перл, направляясь к двери и, как всегда, ожидая, что мы пойдем за ней. – Иначе опоздаем.

Я еще раз смотрюсь в зеркало, стараясь найти хоть малейшее изменение, хоть капельку чего-то необычного. Нет, это просто я. Кто еще? Я смело улыбаюсь в зеркало.

– Я вижу тебя, Ярроу, – шепчу я своему отражению, а затем безропотно иду вслед за Перл.

5

Перл из тех девчонок, что жить не может без планов. Когда она возглавит Эдем – а я уверена, что так и будет, – она станет безмерно счастливой, потому что на этом посту для нее всегда найдутся грандиозные, почти неосуществимые проекты, которые она будет претворять в жизнь. В «Дубах» ей пришлось разработать свой собственный проект. Учеба в школе отнимает много времени, но не особо затруднительна. У нас есть мозги и связи, а еще круг людей, готовых помочь нам с проектами или даже выполнить домашнюю работу за нас, и мы без труда поддерживаем академическую успеваемость на высоте.

Так что этот очаровательный сгусток энергии и амбиций по имени Перл всегда в поиске новых трудностей, ситуаций, требующих преодоления, новых неприятелей, которых следует уничтожить. Иногда она ставит довольно рискованные цели, вроде нашего побега прошлой ночью. Иногда она легкомысленна, например, когда добивается признать высокие каблуки обязательной деталью школьного дресс-кода. Но особое удовольствие она испытывает, когда затевает кампанию, цель которой – сделать чью-либо жизнь невыносимой. Подобно кошкам, некогда жившим на Земле, она обожает играть с мышью, выбирая себе жертву ради развлечения, чаще всего по собственной прихоти, а не потому, что

бедолага в чем-то провинился.

Сейчас, по неведомой причине, она отчаянно невзлюбила новую девочку, Ларк. Эдакая ненависть с первого взгляда.

Вынуждена признать, что и во мне Ларк пробуждает бурю эмоций.

– Я поспрашивала, – говорит нам Перл за ланчем, – и вы ни за что не поверите, кто она такая. Она из внешнего круга!

– По сравнению с нами – все из внешних кругов, – самодовольно вставляет Коппер, принимаясь за лапшу. Перл бросает на нее долгий презрительный взгляд. Похоже, недолго Коппер будет оставаться членом нашего кружка.

– Я не имею в виду, что она из Третьего или Четвертого круга, – говорит Перл. – Я имею в виду настоящие трущобы. Ее мать работает кем-то вроде кладовщицы, а отец, – она делает паузу, усмехаясь, и мы наклоняемся вперед, сгорая от нетерпения. Она заставляет нас ждать целую вечность, прежде чем торжествующе выпаливает: – Он работает в сточных каналах!

Как выяснилось, отец Ларк на самом деле поднялся по служебной лестнице от управляющего сточными водами до должности руководителя проекта по восстановлению водоснабжения во всем Эдеме. Если разобраться, то это очень важная работа. Эдем – замкнутая система. Мы владеем всей неотравленной водой на планете, и ей предстоит служить нам еще сотни лет, пока мир за пределами Эдема не излечится в достаточной мере, чтобы мы могли вернуться в него. Без

таких людей, как отец Ларк, копающихся в нечистотах подземных труб, Эдем бы не выжил. Пусть это и не престижно, зато жизненно необходимо.

Конечно, я не произношу этого вслух. Да и думаю совсем о другом. В моем воображении рисуется бескрайний бассейн с омерзительной жижой, и чувство глубокого отвращения от мысли, что кому-то придется погружаться в него, охватывает меня. Брр.

Линкс тут же разделяет возмущение Перл, принимая ее сторону.

– Отвратительно! – говорит она, двигаясь ближе к ней. Неуловимый танец власти. – Представляете, мне показалось, что она дурно пахнет! Вонь семейной профессии ничем не смоешь.

Она склоняется к Перл, и они вместе смеются. Коппер послушно поддакивает, но ее мысли где-то далеко.

Поначалу я ничего не говорю.

Я не почувствовала никакого дурного запаха, когда Ларк протиснулась ко мне в скорлупу. Она пахла, как теплое поле сладкого клевера.

Перл щелкает пальцами перед моим лицом.

– Ты что, не согласна?

Погрузившись в свои мысли, я упустила какую-то важную часть беседы.

– Конечно, согласна, – говорю я, не понимая, с чем только что согласилась.

– Тогда заметано, – заключает Перл. – Мы выживем эту канализационную крысу из «Дубов», загоним обратно во внешние круги, к которым она принадлежит.

– Как? – спрашиваю я.

– Время покажет, – отвечает Перл. – Может, мы подставим ее, чтобы ее исключили. А может, доведем до такого состояния, что она сама будет мечтать о том, чтобы сбежать отсюда, – довольно смеется Перл. – А может быть, ей стоит отправиться вслед за Синамон⁸!

У меня перехватывает дыхание. История с Синамон заключилась до того, как я поступила в пансион, но, конечно же, я слышала о ней. Синамон верховодила в школе, когда Перл впервые появилась в «Дубах». Она была королевой школы, Перл своего поколения. Не знаю точно, что произошло тогда. Может быть, она чем-то оскорбила Перл. А может, Перл просто возненавидела ее за сам факт ее существования, за то, что Синамон занимала положение, на которое претендовала она сама. Как бы там ни было, но не прошло и месяца, как Синамон сбросилась с крыши лаборатории. Кажется бы, всего-то два этажа, но она сломала обе ноги и год провела в больнице. Больше в «Дубы» она не вернулась. Да и не могла ничем больше заниматься, если верить слухам. Никто не знает, что именно Перл сделала с ней, но все уверены, что она к этому причастна.

И все это просто потому, что Перл не любила ее.

⁸ Cinnamon – корица.

Теперь на очереди Ларк.

– Нам нужно разузнать о ней побольше, – говорит Перл, после того как поделилась с нами своим планом. – Забраться к ней в душу и сердце, выведать ее сокровенные мечты... чтобы потом сокрушить ее.

Она расставляет пальцы, а потом внезапно сильно сжимает их в кулак. Это выглядит пародией на святой знак семени. Вместо того, чтобы выпустить новую жизнь, она уничтожает ее.

– Итак, я решила, – заявляет она повелительным голосом, – что кому-то из нас нужно подружиться с ней. Конечно, не мне. – Она пренебрежительно фыркает. – Ну и кто это будет?

С минуту она разглядывает нас.

– Не ты, Коппер. Ты такая мягкосердечная, что, возможно, тебе понравится общаться с этим куском отбросов из внешнего круга.

Она поворачивается к Линкс.

– У тебя есть непревзойденное умение примазываться к группам.

Линкс вся сияет... пока не осознает, что Перл имеет в виду на самом деле. Она столбенеет, а Перл меж тем продолжает.

– Ты что угодно скажешь, лишь бы понравиться человеку при должности, верно?

Улыбка Перл словно говорит: я вижу тебя насквозь. Перл

нравится иметь приспешников, но она хочет, чтобы они знали, что она в курсе всех их подхалимных уловок. Я рада, что Линкс не удалось одурачить ее.

Наконец она смотрит на меня.

– Ярроу, – обращается она ко мне, и звук моего имени замирает в воздухе. Мысленно я представляю все, что она скажет. Обожаю ее, пойду с ней на любые приключения, сделаю все, что она скажет. Она прекрасно знает об этом, как и о том, что я пытаюсь анализировать эту свою особенность, осознать ее, всегда стараюсь преодолеть этот порыв, но не могу. Линкс легко раскусить. Она понимает распределение сил и хочет занять самую высокую позицию, какую только возможно. Во мне же, наоборот, Перл не чувствует амбиций. Ну и что? Я для нее фанатка, которую она не всегда способна контролировать. Инструмент, который в любой момент может стать оружием. Не уверена, что она полностью понимает меня.

Иногда, когда я прислушиваюсь к себе, я тоже себя не понимаю.

– Это непременно должна сделать Линкс, – говорю я. Та смотрит на меня с подозрением, удивляясь, что я сказала что-то хорошее в ее адрес. – У меня с Ларк с самого начала не задалось. Не уверена, что она купится, если я внезапно начну подкатывать к ней.

Я правда не хочу это делать, даже ради Перл. Я не забыла тот убийственный рокот в ушах, звук, который, казалось, за-

глушал все вокруг. Одно только воспоминание о лице Ларк вызывает во мне приступ тошноты.

Но затем я вспоминаю о том, как я себя чувствовала сразу после того, как прошло мое недомогание. Сильнее, чище, будто что-то ненужное ушло из меня.

И этот ее запах теплого луга...

– Нет, это должна быть ты, Ярроу. Найди ее на следующем уроке, извинись и предложи заниматься в твоей скорлупе. Вот увидишь, она согласится. Подобная девушка так отчаянно ищет друзей и признания, что она простит все, что ты сделала, и ловушка захлопнется. Она будет есть из твоих рук.

Что мне остается делать, как не согласиться?

Я решаю быть прямолинейной и стараться говорить только правду. На последнем уроке в тот день я прямиком направляюсь к Ларк и, взглянув ей прямо в глаза, широко улыбаюсь.

– Прости, сегодня неудачный день для знакомств. Утром я повздорила с лучшей подругой, ну и плохо же мне было... Но сейчас организм уже прочистился. – Я изображаю рвоту, полагая, что, если я буду вульгарной, это поможет нам сблизиться. Ларк нервно смеется. – В любом случае, прости меня. Мне сейчас лучше, и, если хочешь, мы можешь заниматься вместе в моей скорлупе на этом уроке. Обещаю, что не буду выталкивать тебя... и блевать на тебя тоже.

Я протягиваю руку, и, хотя я вижу, что ее рука тянется к моей, она явно медлит.

– Ты помнишь... меня? – шепчет она.

Я пытаюсь поймать ее взгляд. Она шутит? Для «Дубов», конечно, в первую очередь важны деньги и статус, но здесь достаточно высокие академические требования и законченных кретинов они просто бы не взяли.

– Ну... да. Мы встречались перед обедом. Меня зовут Ярроу.

Она тихо вздыхает и наконец протягивает руку.

– Просто уточнила, – говорит она с какой-то чудной полуулыбкой, напоминая мне маленького беззащитного зверька. Я беру ее руку... и меня словно током ударяет. По крайней мере, так кажется. Я разворачиваюсь, почти задыхаясь, бросаю взгляд на свою руку. На какое-то ужасное мгновение мое сознание изменяет мне: я не узнаю свою кожу. Знаю, что это похоже на мою ладонь, люди врать не будут, но чья это рука? Легкое покалывание осталось там, где прикоснулась Ларк. Я снова слышу раскаты в ушах, они тише на этот раз, похожи на далекий шум океана. Тошнота подступает к горлу, но она зарождается не в желудке. Кажется, что она в моей голове. Я трясусь головой. Чувствую, как сжимаются мои глаза в такт сердцебиению.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Ларк.

Я качаю головой, скорее, чтобы прийти в себя, чем ответить «нет», и принужденно улыбаюсь. Вероятно, видок у меня еще тот, потому что Ларк говорит:

– Не переживай, я не буду ловить тебя на слове не блевать

на меня.

Она проскальзывает в скорлупу, и, хотя какая-то часть меня снова хочет унести в свою комнату, я забираюсь следом.

– Где мы остановились вчера? – спрашивает наш учитель по управлению Землей. – Ах да, гидравлическое бурение, известное как гидроразрыв. Прежде люди думали, что землетрясения вызывают боги, размахивающие огненными палочками и магическими дубинками и много чем еще. – Он усмехается над человеческой глупостью. – Позже они выяснили, что землетрясения – это природное явление. Наука победила. Но затем... наука зашла слишком далеко. Люди извлекали богатства Земли, а взамен закачивали растворы глубоко в недра. Это привело не только к заражению воды, но и к тому, что прежде было под силу богам и природе: землетрясениям. Представьте себе – рукотворные землетрясения. Люди стали такими могущественными, что могли без помощи природы менять структуру Земли.

Он устраивается в кресле и предоставляет право продолжить урок нашим скорлупам. И вот мы оказываемся рядом с гигантским оборудованием, видим, как оно посылает в самое сердце планеты жидкость под давлением. Мы видим, как мутнеют ручьи, гибнут растения. Мы чувствуем, как Земля дрожит, как будто пытается скинуть людей со своей поверхности.

Скорлупа вибрирует, издавая оглушительный треск, похожий на звук ломающихся костей. Мерзкий сернистый за-

пах заполняет мои ноздри. Я слышу, как в других скорулках раздаются крики ужаса, которые сменяются смехом, когда ученики вспоминают, что это всего лишь виртуальная реальность. Внезапно Ларк хватается за мою руку.

– Начинается, – сдавленно шепчет она. – Я чувствую это...

– Все в порядке, – говорю я ей, сжимая ее пальцы. – Это не по-настоящему. Настоящее землетрясение совсем не такое.

– Я не про это, – выдыхает она, и в ее глазах читаются отчаяние и боль. – Это... – Дрожание прекращается, скорлупа замирает. Ларк делает глубокий вдох. – У меня заболевание. Эпилепсия. Когда скорлупа начала трястись, я подумала, что у меня приступ. В моей прежней школе не было скорлуп.

– Почему ты перешла к нам? – спросила я больше из любопытства, чем по приказу Перл.

– Я... Моего отца перевели в Центр. И я упростила его взять меня с собой. Моя семья не считает, что это того стоит, но я уговорила их перевести меня сюда на один пробный семестр.

– Но зачем? – не отстаю я.

– Ну, всем же хочется попасть в «Дубы»? – Она пожимает плечами, как будто это само собой разумеющееся.

– Я бы так не сказала. Мне кажется, таким людям, как ты, непросто приспособиться здесь, завести друзей, – говорю я без обиняков, напрямую.

– Обо мне не беспокойся, – отвечает она. Мне кажется, она не чувствует той уверенности, с которой произносит эти

слова. – Я где угодно могу устроиться. И мне не нужны друзья. Если я заведу в «Дубах» хотя бы одного друга до того, как мне придется покинуть школу, я буду рада. – Ее взгляд такой пристальный, что мне приходится отвести глаза.

Учитель привлекает наше внимание, когда запись в скорлупах останавливается.

– Сейчас, когда вы пережили землетрясение, то можете представить, как наши предки сотрясали землю, и к каким печальным последствиям это приводило...

Не задумываясь, я прерываю его.

– Но это вовсе не похоже на землетрясение, – говорю я, высовываясь из скорлупы. – В последний раз толчки были совсем другими. Тогда вся земля поднялась, словно сделав глубокий вздох. А затем наступила тишина. Будто весь Эдем ждал, что случится дальше. По крайней мере, так было перед тем, как все вокруг начало рушиться.

Я вижу, как почти все высунулись из своих скорлуп, чтобы посмотреть на меня. Профессор выглядит смущенным.

– *Последнее* землетрясение? Ты имеешь в виду то, о котором ты узнала в скорлупе?

– Нет, – отвечаю я нетерпеливо. – Последнее землетрясение. То, которое произошло... – Я осеклась... Как давно это было? На секунду я отчетливо вспоминаю, как вздыбилась земля, сбивая меня с ног. Казалось, даже воздух раздвоился.

– Послушай, – говорит профессор, – в твоей жизни не было землетрясений, как и в моей. Ни с кем за всю историю

Эдема такого не происходило... Последнее землетрясение случилось до Гибели Природы.

– Но... – начинаю я и, прищурившись, заглядываю в память, в поиске воспоминаний, которые стали четче, чем прежде. Я помню свои ощущения. Я помню отчаяние. Я помню... как падали деревья. Деревья? Откуда? На земле не осталось деревьев.

Все смотрят на меня в замешательстве, как будто я только что сошла с ума. Все, кроме Перл, которая, кажется, изучает меня, без сомнения считая, что все происходящее – это дикая уловка, необходимая, чтобы завоевать доверие Ларк.

Если бы это было так, я бы проделала это получше. Я снова забираюсь в скорлупу, с пылающими щеками, в полном смятении. И тут Ларк приближается ко мне, щекоча ухо:

– Я тоже помню землетрясение. Ты не сумасшедшая.

Я не смотрю на нее. Я так глубоко дышу, словно моя грудь сейчас взорвется. Ее следующие слова заставляют меня почувствовать прилив сил и слабость одновременно.

– Ты не одинока, Ро.

6

– Как ты меня назвала?

Меня колотит – должно быть, от злости. А отчего еще?

– Тебя так зовут, – просто отвечает она.

– Меня зовут Ярроу, – четко произношу я.

До Гибели Природы, когда в мире жили миллиарды людей, у них были фамилии. Они жили большими семьями и заботились о преемственности. Сейчас, когда в семье по одному ребенку и паре-тройке родственников, сохранились только имена, что делает их еще более ценными, личными. Не хочу, чтобы кто-то коверкал мое единственное имя.

– Ну конечно, и Ро – это всего лишь милое прозвище. Можно я буду называть тебя так?

– Нет! – обрываю я, но мне хочется снова и снова, сотни раз слышать, как она произносит это имя. Так ласково оно звучит. – Прекрати болтать. Это может плохо кончиться.

До конца занятия я не смотрю в ее сторону, но когда мы встаем, я ловлю взгляд Перл, и она многозначительно кивает подбородком, давая понять, что мне нужно воплотить оставшуюся часть нашего плана: вытянуть Ларк из «Дубов» сегодня ночью.

Не хочу этого делать. Даже не имея представления, в чем суть замысла Перл, я не сомневаюсь, что она задумала что-то ужасное. По меньшей мере, это будет просто унижение, а

в худшем... мне вспоминаются слухи о Синамон.

И тут на меня находит озарение. Я могу предложить Ларк сбежать куда-нибудь этой ночью, а потом не отпускать ее от себя. Что бы ни задумала Перл, я должна ей помешать.

Это своего рода протест. С тех пор как я встретила Перл и она почти моментально приблизила меня к себе, я постоянно испытываю потребность угождать ей. Схожие чувства я испытываю к директору – брату Бёрчу, а также к другим преподавателям, но в меньшей степени. Во время своих визитов к маме такое же чувство я испытываю к ней. Это стремление, жажда, страсть делать других людей счастливыми. Возможно, впервые я задаюсь вопросом: чем они заслужили такое счастье – мою заботу? Что такого в них особенного, чтобы я потакала их прихотям?

Внезапно возникшее безумное желание угодить самой себе вступает в борьбу с этим порывом. («Но ты же была счастлива, – шепчет тихий голос внутри меня. – У тебя было все, что ты хочешь. Зачем идти против течения?»)

– Ларк, – внезапно обращаюсь я к ней, излишне громко.

– Да, Ярроу, – отвечает она своим мягким голосом.

– Давай выберемся отсюда сегодня ночью.

Я произношу это почти приказным тоном и надеюсь, что она не найдет в себе сил отказать мне.

– С нами, я имею в виду. У нас у всех есть разрешение от родителей. Ты сможешь его тоже раздобыть?

Любая другая девушка в «Дубах» тут же сказала бы «да»,

ошарашенная тем, что ее пригласили в нашу компашку и опасаясь, что может упустить свой шанс. Но Ларк колеблется.

– Это мой первый день.

– Вот именно! Для тебя это возможность оторваться и завести новых друзей.

Ларк выглядывает из скорлупы.

– Похоже, что драки за честь стать моей подругой не предвидится, – говорит она, хотя, кажется, ее это не особо печалит. Многие девушки притворяются, что им все равно, но их страстное желание принадлежать к нашей группе читается во всем. Только не у Ларк. Ее что-то тревожит. Я чувствую это. Но не знаю, что именно.

– Мне казалось, ты говорила, что тебе достаточно и одного друга, – не сдаюсь я.

– Смотря что за друг, – отвечает она, но на ее губах появляется лукавая, слегка однобокая улыбка.

– Это означает «да»?

– Возможно, – произносит она и больше ничего не говорит до конца занятий.

По-моему, нет слова хуже, чем «возможно».

Все же вечером я тщательно собираюсь. «Возможно» может означать и *нет*, но я настраиваюсь на *да*. Я хочу быть красивой, но не такой, какой я мучительно пыталась быть. Я походила на тех отчаявшихся девчонок, которые любыми способами пытаются скрыть это отчаяние. Но ведь я не та-

кая.

В зеркале я рассматриваю свое лицо с тщательно нанесенным макияжем. Я слишком затемнила брови. Они не идут к моим светлым волосам. Я не такая.

Вместо того чтобы смыть карандаш с бровей, я начинаю рыться в сваленной в кучу косметике, пока не нахожу кисть для окраски волос, которую высмеяла Перл. Я пристально смотрю в зеркало на свои светлые волосы, уложенные каскадом. В их цвете есть что-то неправильное, не сочетающееся с моей смуглой кожей. Я присматриваюсь еще тщательнее и замечаю тонкую темную полоску по линии пробора. Нахмурившись, я почти прижимаюсь к зеркалу. Кажется, что мои волосы темнеют, становясь у корня темно-каштановыми, почти черными.

Я смеюсь и, моргая, отодвигаюсь от зеркала. В последнее время у меня появилась сухость в глазах. Во время последнего осмотра (когда я прихожу к маме, меня там наблюдает их местный доктор) я спросила, могут ли линзы-импланты вызывать раздражение.

– Чушь, – ответил он. – Они у тебя почти с самого рождения. Твоя нейронная система давно приняла их. Теперь они часть тебя и не могут вызывать раздражения.

Но, несмотря на то, что я пользуюсь каплями, глаза по-прежнему выглядят покрасневшими и воспаленными. Иногда на несколько секунд у меня все расплывается перед глазами.

Скорее всего, странный цвет у корней мне всего лишь по-чудился – просто игра света и тени. Но она натолкнула меня на мысль. Зачем краситься в экзотический цвет, когда есть более натуральные оттенки? Эффект будет сногшибательным, совершенно неожиданным. В воображении я уже слышу неодобрение Перл, но начинаю водить кистью для окраски по волосам.

Результат мне нравится.

Еще несколько штрихов – матово-черная губная помада, тонкая золотая линия вдоль верхних ресниц – и готово. Вот это я. Наконец-то.

Я должна была пойти прямо к Перл, но отправляюсь на поиски Ларк. Мне приходится спросить одного из слуг, где ее спальня. Выясняется, что ее временно запихнули в одну из комнат, которая прежде была гостиной трех других учениц, живущих в одной квартире. Очевидно, что они не собираются сдаваться так запросто: в угол втиснуты стол и кровать Ларк, но остальное пространство занято диванами, подушками, информблоками, скомканной одеждой. Хозяйки квартиры тоже здесь, стараются занять собой всю комнату, чтобы Ларк ничего не досталось.

На нее никто не обращает внимания, она сидит на своей кровати в углу, съежившись, уткнувшись подбородком в согнутые колени, как будто тоже хочет занимать как можно меньше места. Она не сразу увидела меня, и какое-то время я наблюдаю, как она сидит, странно уставившись в пустоту.

Ларк не особо впечатлила меня, когда я впервые увидела ее: она не обладает блистательной красотой Перл. Нет, красота Ларк более утонченная: она в изяществе линий, выражении лица. Без макияжа или экстравагантной одежды, одним контуром губ, ямочкой на щеке, она достигает такого эффекта, который не под силу даже Перл. Это что-то простое и возвышенное одновременно.

Даже две складки на ее переносице кажутся милыми. Ни у кого в «Дубах» таких нет. Здесь никто всерьез и надолго ни о чем не задумывается.

Наконец она увидела меня, и ее лицо вспыхивает как лампочка.

– Твои волосы! – вскрикивает она в восторге, и я улыбаюсь. Широко и искренне, словно ее одобрение было моей главной целью. – Мне нравится, Ро. Это именно ты!

Она улыбается в ответ, и мне хочется сделать все ради нее: помочь, спасти.

– Эй, ты! – кричу я, разворачиваясь, чтобы увидеть лица ее соседок. – Живо встала и выкинула эти подушки отсюда! А ты выброси мусор! Теперь это комната Ларк.

От ощущения власти захватывает дух. Я – продолжение Перл, и хотя выражения лиц у них кислые, они знают, что лучше не возражать мне. Неохотно они поднимаются и начинают уборку в комнате.

– Ро, ты не обязана, – начинает Ларк, но я прерываю ее.

– Я знаю, что не обязана, – говорю я высокомерно. – Я

никогда не делаю того, чего не хочу. – Я машу рукой девочкам, *потопрапливая* их, и они начинают суетиться.

– Это овцы, – говорю я, когда они уходят. – Ты читала об овцах на уроках экоистории? Безвольные стадные животные, которые бездумно идут за вожаком. Я просто напомнила им, что я их вожак.

Ну, вице-вожак, после Перл, разумеется Ларк поднимает голову движением, в котором есть что-то неуловимо птичье.

– Но... разве это не делает тебя одной из овец? – спрашивает она. Перл сочла бы это оскорблением. Перл решила бы уничтожить ее во что бы то ни стало (если уже не решила). Я останавливаюсь и задумываюсь.

– Все мы овцы, – соглашаюсь я с ней, хотя ни за что не призналась бы в этом никому другому в «Дубах». – Мы все хотим знать, по какой тропе идти. Просто в «Дубах» у людей тропа более высокого уровня. Если мы должны стать пастухами, значит, можем быть и овцами-вожаками.

Ларк на мгновение закусывает губу.

– А что, если ты будешь овчаркой?

– Кем??

– Тем, кто следит за овцами, направляет их. Тем, кто оберегает их от опасности.

– Тем, кто думает за них? – спрашиваю я. – Может быть, но до тех пор, пока овцы не вспомнят, что они умеют думать самостоятельно.

На минуту между нами повисает тишина. Когда молчание

становится неловким, я принужденно смеюсь и говорю:

– Ладно. Одевайся. Пошли.

– Я одета. Я пойду в том, что на мне.

На ней простое желтое платье с открытыми плечами и полотно-темные сандалии.

Я пожимаю плечами, прежняя жестокость возвращается.

– Как хочешь, никто все равно не взглянет в твою сторону.

Направляясь к выходу, я чувствую ненависть к себе. Она все еще идет за мной.

Впрочем, я ее не обманула, потому что, когда мы оказываемся в комнате Перл, та не обращает на нее никакого внимания, как будто ее вовсе нет.

– Ярроу, святая Земля, что ты сотворила со своим волосами? Это так... мрачно и скучно.

Она проводит рукой по своим волосам, как будто серебристо-белый цвет – единственно возможный.

– Да, Ярроу, о чем ты только думала? – подхватывает Линкс, и ее рука невольно тянется к собственным каштановым локонам. Однажды она осветлила волосы, чтобы быть похожей на Перл, но та заставила ее перекрасить их.

– Ну, не знаю, – говорю я, подходя к одному из зеркал Перл, чтобы еще раз взглянуть на себя. – Мне кажется, так лучше. Впечатляюще.

– Да пожалуйста. Если ты считаешь *тоску* впечатляющей, – говорит Перл. – Сейчас же перекрась волосы обратно. Вечеринка, на которую мы сегодня идем, особенная.

– Чем особенная? – спрашиваю я, по-прежнему глядя на свои пряди. Я откидываю их с лица, наматываю кончики на палец, чтобы смягчить их. – Тем, что на эту вечеринку охрана нас пропустит?

Я не собиралась дерзить, и меня словно пощечиной обжигает внезапно ставшее жестоким выражение лица Перл, отразившееся в зеркале. Когда я обернулась, она уже успела взять себя в руки: лишь в глазах все еще мелькают искры гнева. Видимо, ей показалось, что я критикую ее. А это почти что вызов.

Она решает оставить пока без внимания мои слова. Пока, но, без сомнения, я еще поплачусь за это.

– Привет... Как, ты сказала, тебя зовут... Лейк?

– Ларк, – пытается сказать та, но Перл перебивает:

– Я так рада, что ты не похожа на тех девочек, которые не соблюдают традиций. Ты знаешь, у нас есть несколько новеньких, которые не дали свои кредитки. Представляешь? А ведь эта традиция берет свое начало с самого основания «Дубов». – Она протягивает руку, и в этот неловкий момент Ларк тянет свою – для рукопожатия. Перл нетерпеливо машет пальцами. – Твою кредитку. Дай ее мне.

– Зачем? – спрашиваю я вместо Ларк.

Перл демонстративно закатывает глаза и одновременно посылает мне предупреждающий взгляд.

– Ну ты и тупая! Ты же знаешь, что новички оплачивают счета тех, кто выводит их в первую ночь. Это традиция.

Она встает – гордая, непреклонная, как сплошное воплощение устоев.

– А где бы мы были без традиций?

Так вот что она задумала. Она хочет выкачать из Ларк столько денег, сколько сможет, зная наверняка, что ее родителям едва хватает средств, чтобы оплачивать обучение в «Дубах». А Перл действительно умеет веселиться на полную катушку. Отдельная комната, дорогие напитки, экзотические развлечения – все за счет Ларк. Она за считанные минуты выкачивает все деньги с карты, запишет оставшееся на ее счет, и родителям придется расплатиться. Они будут в такой ярости, что, возможно, заберут ее из «Дубов» в ту же секунду, как только увидят счет.

Неглупый ход, если Ларк не хватит духу отказать и не отдать свою кредитку.

Она отдает.

Моя рука тянется, чтобы остановить ее, но на полпути замирает... Нет. Вспомни Синамон, вспомни все те ужасы, которые Перл творила с людьми, все те кошмарные испытания, которые она способна выдумать. Заставить Ларк потратить все свои деньги – просто акт милосердия по сравнению с остальным.

Поэтому, сопровождаемая взглядом Перл, которая пристально наблюдает за моей реакцией, я убираю руку.

– Да, это традиция. Что поделаешь? – пожимаю я плечами.

Я все оплачу сама, обещаю я себе. Моя семья достаточ-

но богата, чтобы без проблем восполнить тот урон, который Перл способна нанести сегодня ночью. Для такой семьи, как моя, это пустяк. Перл будет думать, что она выиграла. Интересно, удивится ли она, когда увидит, что Ларк по-прежнему в «Дубах»?

Перл улыбается, как довольная кошка, и снова говорит мне:

– Иди и перекрась волосы, и мы сможем, наконец, выйти.

– Нет, – отвечаю я.

– Что? – похоже, она искренне не понимает меня. Уверена, что ее ошеломляет разница между тем, что она ожидала услышать, и тем, что слышит в реальности. Забавно, хотя я и сохраняю серьезный вид.

– Мне нравится так, как есть, – упрямо повторяю я. – Ничего не буду менять.

Перл открывает рот, затем резко закрывает его обратно. Спорить со мной – ниже ее достоинства, но и эту выходку она мне потом припомнит.

– Пошли, – говорит она приказным тоном, пряча в карман кредитку Ларк. – Нас ждет незабываемая ночь!

Перл оказалась права – мы без труда попали внутрь. Один взгляд на нее – и нам указывают за алые веревочные ограждения, откуда нас сопровождает к лифту очаровательная девушка на роликах в костюме бурундука. Как выяснилось, хозяином вечеринки был друг семьи – сказочно богатый плеябой – сын одного из самых близких компаньонов отца Перл. Кого волнует, что свой капитал они заработали, проворачивая последние двадцать лет незаконные сделки и занимаясь подпольным бизнесом? Огромные состояния отмывают себя сами. Мелкие сошки попадают в тюрьму. Крупные воротилы попадают во внутренние круги. Особенно когда они знают, как потратить эти деньги со вкусом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.